

ФОТО: PHOTOPRESS

«Матильдино» побоище

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ
депутат Государственной думы

Коллеги по Госдуме ознаменовали начало парламентских каникул призывом запретить фильм «Матильда». Тот случай, когда высказаться необходимо. Упаси Бог, молчание примут за знак согласия. Тем более что, по слухам,

среди 37 депутатов, подписавших запрос в Минкульт РФ, МВД РФ и Генпрокуратуру, значительная часть — из фракции единороссов.

Конфликт вокруг «Матильды» давно вышел за пределы культурного пространства. Строго говоря, он никогда и не пребывал в этих пределах. Родной цех поддержал режиссера Алексея Учителя практически единогласно.

Корпоративная солидарность чрезвычайно развита в творческих кругах. У творцов большая взаимовыручка. Основная, прежде всего, на инстинкте самосохранения: сегодня транклюкируют его, завтра меня, не надо допускать прецедента. Это не хорошо и не плохо, такова природа одинодушия.

Конфликт вокруг «Матильды» нельзя также считать вопросом сугубо церковным. Во-первых, благодаря взвешенной

официальной позиции Русской православной церкви, глава которой понимает: бессмысленно пытаться вылепить из государственного деятеля недавнего прошлого (что такое сто лет по меркам истории — вчера) фигуру неприкосновенную, закрытую для светских трактовок. Если бы такие вещи когда-нибудь кому-нибудь удавались, жизнь была бы чересчур проста.

2

Никто не хотел отступать?

Нильс ИОГАНСЕН

75 лет назад, 28 июля 1942 года, был издан приказ №227 — «Ни шагу назад». Среди всех документов Великой Отечественной он считается одним из самых известных, а споры о нем продолжаются и сегодня.

«Без 227-го мы бы войну проиграли» — так звучит одна позиция. «Лишние жертвы, чрезмерная и совершенно ненужная жестокость» — есть и другая, противоположная. В обоих случаях — много пафоса, трагизма и очень мало аргументов. Попытаемся понять — почему, кому именно и в какой обстановке Верховный главнокомандующий приказал стоять насмерть.

Жаркое лето 42-го

После успешного зимнего контрнаступления 1941-го боевой дух РККА находился на подъеме. В вермахте, наоборот, царил уныние, число «пораженцев» постоянно множилось. Противник, конечно, был еще силен, но его уже воспринимали по-иному. «Фашиста можно и нужно бить» — такой настрой царил в армии, а тыл этому всячески способствовал.

Заработал челябинский «Танкоград», вводились в строй эвакуированные заводы, артели СССР принялись штамповать ППШ и гранаты, разливать «коктейли Молотова» и шить обмундирование, промышленность окончательно встала на военные рельсы.

4

ФОТО: PHOTOPRESS

Валентина Талызина: «Настоящий театр всегда держится на любви»

Денис СУТЫКА

Владимир Путин наградил народную артистку России Валентину Талызину орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Корреспондент «Культуры» расспросил Валентину Илларионовну о Вассе Железновой, ситуации в Театре Моссовета и почему актриса шесть лет была не востребована в родном коллективе.

10

Сергей Мазаев: «Я получил лучшее, что мог дать СССР»

Денис БОЧАРОВ

28 июля в клубе «16 Тонн» пройдет концерт группы «Моральный кодекс». Накануне лидер коллектива Сергей Мазаев ответил на вопросы «Культуры».

культура: У Вас есть профессиональное музыкальное образование — не всякому рокеру такая высота покорилась. Помогают ли полученные знания?

Мазаев: По основной специальности — игра на кларнете — у меня действительно хорошая подготовка, но назвать себя по-настоящему образованным человеком не могу. Определенные проблемы имеются. Какого-то заметного контроля надо мной в детско-юношеские годы не было, так что многое запустил. Во вспомогательных дисциплинах, например сольфеджио или общем фортепиано, я был полным идиотом. В этом смысле от самодеятельных рокеров мало чем отличаюсь.

10

ФОТО: ЕВГЕНИЯ ИВОНЕНКО/АГЕНТСТВО НОВОСТИ

Не верь, не слушай, не смотри
Отписки из подполья
Чарли Гард
и двойные стандарты
Взносы и падения
«Авторское право»

7

ИГРАЕМ
ТЫШЛЕРА
Выставка
в ГМИИ

6

С ЛЮБИМОВЫМ
НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ
«Старик и море»
на Чеховском
фестивале

8

ДИДЬЕ ВАН
КОВЕЛЕР:
«Людам есть
чему поучиться
у братьев наших
меньших»

11

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

«Матильдино» побоище

1 Абсолютное большинство россиян воспринимают Николая Александровича Романова и его супругу как реальных политических персонажей, связанных с переломом в судьбе страны и ставших не только жертвами, но во многом, увы, причиной грандиозных потрясений. Ни одному, даже наиболее правоконсервативному, историку не удалось убедительно доказать обратное.

Политиков «канонизируют» за дела мирские, оценивают в прагматической системе координат — чтобы тебя почитали, надо быть победителем при жизни. Земное в отношении к последнему русскому императору пока существенно преобладает над небесным. И по поводу этого земного слишком много вопросов. Возможно, точка зрения общества будет меняться, но тут как раз требуется открытость, а не благоговейный ступор.

Вдобавок надо учитывать тот факт, что русофобия Запада (и настоящего, и Запада для бедных — Польша, страны Прибалтики, — и домашних грантоедов, подбедошающихся на забурном пайке) навсвязь пропитана антисоветчиной. Для нас сегодня оберегать русское — значит, в первую очередь, отстаивать советское. А не ту часть России, которая после трагического раскола — пусть не по собственной воле — отдрейфовала к западным берегам и стала там своей. Потомки белых, осколки Романовых, периодически гастролирующие на нашей территории, не привозят сюда никаких уникальных смыслов. И это тоже фактор общественного равнодушия.

Наконец, сколько помнится, православные не объединялись для организованной борьбы ни с «Викингтом», где будущий равноапостольный князь Владимир убивает, грабит, насилует, и все это — в непросыхающей грязи, ни с «Левифаном», где Церковь оскорбил явно и преднамеренно. Значит, речь идет не о поруганной вере вообще, но о поклонении конкретному образу. Скорее человеческому, нежели духовному. Это опять — таки не хорошо и не плохо — просто констатация.

Конфликт вокруг «Матильды» перерос в очередной гражданский раздор, вот что дурно. В него втянуты люди, находящиеся в разной степени удаления от культуры, истории, религии. Им непонятно, отчего роман цесаревича с балериной так заводит Государственную думу, зато к требованиям «запретить», «не допустить» и «ограничить» сноски не нужны — взрыв ярости мгновенный.

Парадокс: социологические опросы год от года демонстрируют все большую лояльность россиян к цензуре in toto. Однако пробы подвергнуть цензурированию то или иное кромольное произведение неизменно встречаются в шткыки. У меня два варианта загадки. Либо предмет каждый раз выбирается неудачно и на фоне, скажем, телеэкрана кажется детской забавой. Либо народ понимает, что эффективная цензура — это не когда со скандалом запрещают без пяти минут готовое, а когда заблаговременно

и тихо корректируют планы. Ну хотя бы претендующие на бюджетное финансирование.

Подписи против выхода «Матильды» заняли, по сообщениям СМИ, 13 коробок. Уверена, если Учитель объявит сбор автографов за небывало широкий прокат, он доставит в Минкульт, МВД и Генпрокуратуру 26 коробок. Или 39. Однако ни то, ни другое не имеет значения. Культура коробками не регулируется. Она регулируется хорошим вкусом и живым интересом к делу.

Культурный бог — всегда в деталях. Есть подмостки, где фаллос Нуреева уместен, но это, безусловно, не сцена Большого театра. На одном отрезке времени связь престолонаследника с танцовщицей любопытна, но более, на другом — например, в 2017–2018 годах, в вековые даты революции и расстрела царской семьи, — без болезненных реакций не обойтись. Такие риски легко просчитать загодя. Вы вправе ими пренебречь, однако сюрпризом для художника и властей они точно становиться не должны.

Попутно в соцсетях изливается столько желчи в адрес главного героя (не Учителя — самодержца), что его искренне жаль. Прав был Шопенгауэр: «Веру, как любовь, нельзя вызвать насильно». Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственным мероприятиями — дело рискованное, ибо как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так попытка принудить к вере вызывает неверие».

В «Матильдино» побоище уже проиграли все. Алексей Учитель контужен происходящим, и гарантированная касса вряд ли способна его утешить. Поборники памяти святого царственного страстотерца порождут недоумение своими большевистскими — в печальном смысле слова — методами. Все стороны противостояния произнесли больше, чем нужно, и гораздо эмоциональнее, чем следовало. Главное: отечественная культура снова выступает в роли провокатора. Куда ни кинь, сплошной ушиб.

Параллельно развивается менее громкий, но столь же тягостный конфликт вокруг памятника то ли Примирения, то ли Единения в Севастополе. Сама идея примирить, а тем паче объединить красных и белых в современном российском обществе непонятна. Внедрять ее силой — значит, приумножать раздор. Если опрочкинуть этот сюжет в прошлое, на мой скромный взгляд, уместен лишь мумент Национальной скорби — по всем стгнущившим в кровавой междоусобице. А вот эмблема общего будущего, одного на всех, была бы очень кстати. Можно, конечно, в виде скульптурной композиции. Но идеально — в форме перспективных, масштабных, амбициозных проектов. Чтобы отвлеклись горячие головы. Чтобы не оставалось ни сил, ни времени на стычки из-за Рюриковичей, Романовых, Ленина, Сталина... Новое дело — великий лекарь застарелых ран. Так примиримся.

Сергей Кузнецов:

«Москва — очень рисовальный город»

Мария ЮРИНА

В Мультимедиа Арт Музее открылась выставка городских пейзажей главного архитектора столицы Сергея Кузнецова. Еще в студенческие годы он освоил инструменты компьютерной графики, а в 2000-е мастерская «С.П. Проект» стала одной из ведущих студий по созданию трехмерных визуализаций. И все же художник уверен, что и сегодня, в цифровую эпоху, архитектор обязан хорошо писать с натуры и постоянно практиковаться, следуя примеру зодчих прошлого.

В многочисленных поездках бумага, карандаш, тушь или акварель у Кузнецова всегда с собой. Всего в экспозицию вошло 120 рисунков и акварелей, сделанных почти в полусотне городов по всему миру.

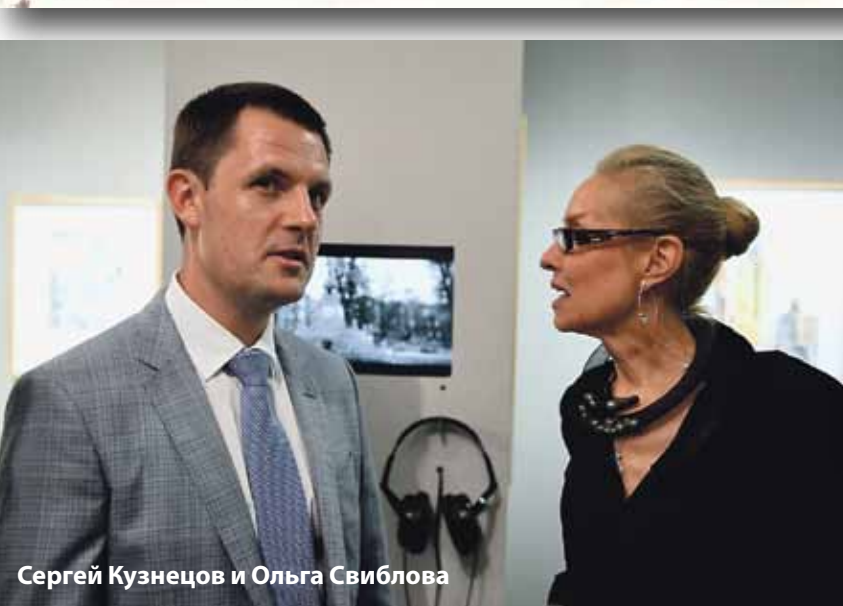
С 2006 года пленэры — системная и неотъемлемая часть его жизни, сообщается во вступительном слове к выставке «Личный контакт / Архитектурная графика». На ней представлены работы за последние 10 лет, так что у зрителя есть возможность проследить, как меняется манера художника. Например, заметить, что в ранних работах в основном используются тушь и карандаш, в них больше детализации, наблюдения. В более поздних — автор все чаще выбирает акварель, это рисунки-впечатления, эмоциональные и легкие. Они напоминают картины импрессионистов. Впрочем, по признанию самого архитектора, его вдохновляет творчество вовсе не всем известного Клода Моне, а друга мэтра — Джона Сингера Сарджента, художника-космополита, который был близок с импрессионистами и в то же время образцами для него оставались Веласкес, Гейнсборо и Ван Дейк.

— Православные иконы, Каналетто, Джованни Баттиста Пиранези, Хью Феррис, — продолжает список предпочтений Кузнецов.

— В каком городе Вам лучше всего рисовалось?
— В Венеции, конечно. С ней связано много — я участвовал в четырех биеннале. Люблю ее. Это выдающаяся натура. Сколько великих мастеров рисовали в Венеции. В Италию всегда ездили наши пенсионеры Академии художеств, так было принято. Москва — тоже очень рисовальный город.

— Старая или новая?
— Разная. И историческая, особенно сталинская, превосходна, и ВДНХ, и московские мосты...

Итальянских сюжетов действительно на выставке больше всего, и можно увидеть, как родина Возрождения повлияла на Кузнецова. Так, карандашная зарисовка под названием «Венецианская фантазия» соседствует с «портретом» офисного здания на Ленинском проспекте, ставшим одним из самых трудоемких проектов бюро SPEECH Чобан & Кузнецов. Его начали создавать еще до объединения компаний (в 2005-м), а сдали дом в эксплуатацию за год до того, как Сергей Олегович был назначен главным архитектором Москвы (в 2011-м). Современное строение с «волной» на главном фасаде, выполненное по всем европейским стандартам энергоэффективного проектирования, неоднократно отмечено профессиональ-

ми наградами. Оказывает, элегантно-сдержанный стиль имеет венецианские корни.

Отдельная глава экспозиции посвящена Вышнему Волочку. В 2010-м этот город Тверской области выбрали главным героем российского павильона на XII Венецианской архбиеннале. На его примере архитекторы, в том числе и Сергей Кузнецов, изучали возможные пути развития и регенерации провинциальных поселений. Процесс исследования — монохромные карандашные зарисовки старой деревянной застройки и промзон — выделяется на фоне изображений мегаполисов уютом и каким-то тихим обаянием.

У каждого города, запечатленного Кузнецовым, свое настроение, и автор по-разному передает его на бумаге: Нью-Йорк — бурлящий, Канн — манищий, Восток (от Стамбула до Бухары) — загадочный, Париж — волшебный, Токио — скоростной, Москва — очаровательная...

Цветы для Ивана Васильевича

Михаил БУДАРАГИН

В Москве появился памятник Ивану Грозному. Трехметровая статуя работы скульптора Василия Селиванова нашла пристанище на «Аллее правителей», и, судя по всему, путешествие Ивана Васильевича продолжится.

Еще в прошлом году монумент царю хотели установить в городе Александров Владимирской области. После скандала, который начался с «открытых писем возмущенной общественности», местные власти решили не ввязываться. То же случилось и в Рузе: совершенно иная композиция должна была включать не только монарха, но и его супругу Анастасию, а также детей — Ивана и Федора. Грозный часто бывал в городе, по пути на богомолье в Можайск. Однако либеральные историки написали жалобу, и проект был отложен.

Селиванов изобразил Ивана Грозного канонично, просто и строго. Царь поднимает указующий перст, глядя вперед. Никакого демонизма, но и преклонения перед монархом не найти. Почему же за памятник велась такая борьба? Почему она продолжилась, когда закончилось лето и все выйдут из отпусков?

Работа, вызвавшая дискуссию, конечно, не величайший шедевр, будем объективны. Это добротная скульптура, сделанная со вниманием к деталям. Но никто не спорит о художественных достоинствах памятника, все говорят о герое, которого снова и снова приходится возвращать в историю страны. Каждый раз, когда звучит имя Ивана Грозного, человека, умершего так давно, что нет никого, чью семью задело бы его правление, мы слышим гневный окрик: «Нельзя!» Царь замазан черным, не смейте его обелять.

Разве Селиванов обеляет? Не похоже. Воздаст дань памяти фигуре огромного масштаба. Трехметровая скульптура —

малая часть того, что Россия могла бы сказать об Иване Грозном. Люди, которые приносят к подножию цветы — не так много, осторожно, словно бы еще не веря, что можно, — говорят куда больше, чем историки.

Оказывается, что «тираном» он был не для всех. Кто-то видит в Грозном строгого правителя, не побоявшегося ввести опричнину, расширившего пределы страны, на равных ведущего диалог с тогдашним «просвещенным Западом». Слова эти стоит взять в кавычки, Москва при Иване Васильевиче мало чем уступала Парижу и Риму.

Народная тропа, по мнению тех, кто скоро возьмется изгонять памятник из «Аллее правителей», к Грозному должна была зарости. А она все не зарастает. Бейся не бейся, обычный человек с цветами дорогу к царю найдет. Теперь он может это сделать не только в Орле (там Иван Грозный стоит с прошлого года), но и в столице.

КУЛЬТУРА
Духовно-просветительский журнал

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор:

Михаил Бударгин

Руководитель направления

«Литература и искусство»:

Ксения Позднякова

Ответственный секретарь:

Александр Курганов

Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Рекламная служба, телефон/факс: +7 (495) 602-5200
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512, +7 (495) 685-7895
Телефоны для справок: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633
+7 (495) 662-7222 e-mail: info@portal-kultura.ru

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Киргизии, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 17-07-00368
Подписано в печать 27 июля 2017 г., по графику: 20.45, фактически: 19.15

Железная логика

Андрей САМОХИН

На фоне громких событий не слишком заметно промелькнули вести о двух научных прорывах, возможно, продвинувших цивилизацию на шаг ближе к «дивному новому миру». В обоих проектах — 51-кубитном квантовом компьютере и термогенетике — участвуют и русские ученые. Это радует. А общий вектор движения, скорее, тревожит.

В культовом аниме середины 1990-х Shinseki Evangelion в 2015 году земляне встретили конец света, который накликали геноетики и биоинформационщики. Сегодня подобное предупреждение многие футурологи просто передвигают вперед лет на 10–30 — в зависимости от степени пессимизма. «Наукоцентристы» же говорят о неизбежности прогресса, предлагая расслабиться. На что патриоты, в свою очередь, возражают: расслабляться как раз нельзя — отставание от противника в стратегических научных проектах приведет к дисбалансу похуже, чем в период 1945–1949-х, когда ядерный удар США по нашей стране был очень реален.

Не правы и те, и другие. Сегодня именно совместная — российско-американская группа физиков под руководством Михаила Лукина, профессора Гарвардского университета и одного из основателей Российского квантового центра, создала программируемый 51-кубитный квантовый компьютер, опередив Google, давно пытающийся взять «высоту» в 49 кубит, о чем говорилось в ходе Международной квантовой конференции в Москве.

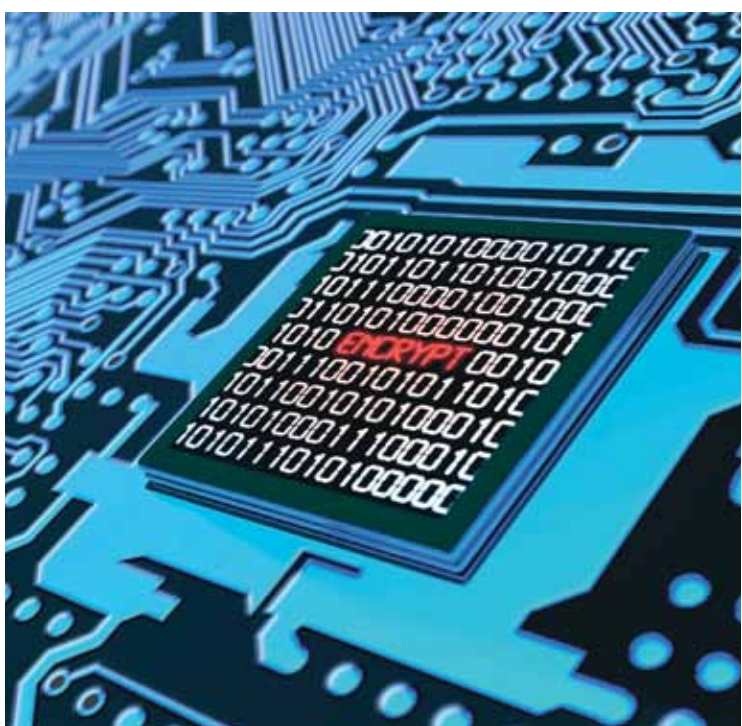
Напомним, что в квантовых компьютерах используются особые логические элементы — кубиты, которые, в отличие от привычных битов, могут находиться одновременно в суперпозиции — «ноль» и «единица», выдавая при измерении вероятностный спектр значений между этими двумя состояниями. Алгоритмы параллельных вычислений по этой схеме мощнее обычных в миллиарды раз. То, на что сегодня линейному суперпроцессору понадобятся сотни лет, нелинейный квантовый решит за минуту. На выходе (до которого еще, правда, не так близко) человечество может получить тот самый искусственный интеллект, который сможет моделировать поведение сложнейших систем, например работу человеческого мозга, при этом неизмеримо превосходя его в скорости.

Любое достижение науки человечество всегда превращало первым делом в оружие. Скажем, перед квантовым взломом может оказаться бессильной самая совершенная сегодня компьютерная защита — не только банков, но целых систем жизнеобеспечения государств. То есть ставки в этой игре очень высоки, и сколько может длиться мирное научное сотрудничество глобальных соперников, не вполне ясно.

Идеологи искусственного интеллекта пророчат, что роботы с «умом» такого уровня однажды решительно вытеснят Homo sapiens из большинства нынешних областей его деятельности, включая воспроизводство и обслуживание самих роботов. Медленно этот процесс уже идет.

На передовой манящего и опасного прогресса, на стыке живого и неживого оказались и российские биологи из ИБХ РАН, и физики из МГУ им. М.В. Ломоносова. О чем, кстати, глухо промолчали наши центральные СМИ, но сообщила Nature Communications.

Речь идет ни много ни мало о новом направлении — термогенетике, управлении нейронной сетью живых существ с по-

мощью инфракрасного излучения. Российские ученые сумели построить в нейроны (нервные клетки-передатчики) млекопитающих терморепродукторы (природные датчики) змеи, которые позволяют им ощущать теплые объекты на расстоянии.

Направляя на животных длинные ИК-волны разной интенсивности, можно на расстоянии влиять на их поведение, возбуждая нейронную сеть. Инфракрасные лучи способны проникать глубоко в ткани, в том числе в мозг. Эксперты проводились на мышах, но все хорошо понимают, что у человека тоже есть нейронные сети и механизм воздействия принципиально схож. Разработчики сообщили, что активировать таким способом получится не только нейроны, но и другие клетки, а в качестве рабочего инструмента подойдут также сфокусированные СВЧ-волны или магниты высокой мощности.

Не нужно быть пророком, чтобы разгадать: спектр применения технологии потенциально шире медицинского. Хотя врачам, разумеется, новая технология поможет: дистанционное лечение — один из ключевых трендов (Государственная премия в области науки была вручена Евгению Покушалову как раз за успешные разработки в этой сфере). Стоит предположить, что роботы окажутся лучше нас и в этой сфере.

Так что торжества по поводу достижений науки в столь тонких пограничных материях не слишком дальновидны. Ведь сами ученые, занимающиеся геной инженерией, биоинформатикой, управлением живыми системами, искусственным интеллектом, зачастую признают, что не представляют всех последствий своих прорывов. На эту тему кто-то даже шутовски переиначил известное восклицание Фауста: «Остановись, прогресс! Ты прекрасен!»

Некоторые современные философы постулируют, что главная проблема человечества — не энергетическая и демографическая, а антропологическая. Не пора ли готовиться к переселению сознания в виртуальные облака Big Data, а тел — в киборгизированные аватары? В ответ на это практики-реалисты лишь мрачно усмеваются: мол, посмотрим, как вы пофилософствуете, если в вашем квартале отрубится электричество, а в ближайший магазин не завезут хлеба.

Но пока еда есть и с энергией все в порядке, как что есть время подумать над тем, достаточно ли мы готовы — этически, психологически, культурно — к тем изменениям, которые нас неизбежно ждут.

Чем сердце успокоится

Александр АНДРЮХИН

Врачом от Бога назвал его Владимир Путин во время вручения Государственной премии. По словам главы государства, Евгений ПOKУШАЛОВ — ученый с мировым именем, врач-мыслитель: на основе его идей в Новосибирской клинике имени академика Мешалкина разработана и внедрена новая система лечения больных с нарушениями ритма сердца.

Культура: В чем особенность Вашей технологии? Как известно, операция на сердце — процесс невероятно сложный, не всегда, к сожалению, завершающийся успехом.

Покушалов: Уникальность складывается из нескольких этапов. Мы ушли от открытых хирургических вмешательств, если это не связано, конечно, с заменой клапана или шунтированием. Операция больного аритмией теперь стала безопасной, поскольку выполняется эндоскопически — методом закрытой технологии. Доступ к сердцу осуществляется через сосуды без разрезания грудной клетки: сквозь бедренные вены под рентген-электронным контролем и с помощью специальной системы 3D-навигации вводят катетеры. Электроды находят поврежденные участки сердца и блокируют их при помощи инъекций. При этом пациент находится в полном сознании и на второй день после процедуры уже может покинуть клинику.

Культура: Больные участки только блокируются — не лечатся?

Покушалов: Именно в этом и заключается наше новшество. Если говорить об операциях без хирургического вмешательства, эффективность которых составляет 98 процентов, то практически все мировые исследователи двигались в одном направлении. Они искали нездоровые участки в самом сердце, чтобы воздействовать на них радиочастотным импульсом. Иногда больные клетки просто безжалостно уничтожались. Мы же пошли другим путем, поскольку в результате изысканий пришли к выводу, что клетки сердца — очень устойчивая структура, которая сама из строя не выходит. И если в сердце что-то перестает функционировать, это происходит от сбоя автономной нервной системы, регулирующей деятельность сердечных клеток. Чтобы полностью оздоровить сердце, нужно воздействовать на нервную систему — и тогда нерабочие участки восстанавливаются автоматически.

Культура: Звучит как глава из научно-фантастического романа.

Покушалов: Пятнадцать лет назад, когда мы выдвинули эту гипотезу, на нас обрушился шквал критики. И совершенно напрасно. Предложенный путь оказался более перспективным, а теория — совершенно самостоятельной технологией, которая может существовать как автономно, так и совместно с традиционным лечением. Сегодня уже ни у кого не возникает сомнений, что этот метод значительно эффективнее общепринятого. Многие ведущие центры мира взяли за основу идею о том, что аритмия возникает от нарушения баланса в нервной системе, которая представляет собой сложную устроенную сеть из клеток, опутывающих сердце сплетениями нервных узлов. Мы в клинике находим разрегулированные места в ганглиях (нервных узлах) и отключаем их при помощи нейротоксина. Отключаем на время и ни в коем случае не удаляем, потому что удалять клетки — кошунство. Больные узлы в отключенном состоянии через некоторое время восстанавливаются сами. После этой процедуры большинство пациентов к нам уже не возвращаются, аритмия их больше не беспокоит. Они излечиваются полностью. Примечательно, что после такой операции не остается следов на теле, если не считать

Евгений Покушалов

ФОТО: СЕРГЕЙ ПИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

крохотных шрамов в местах прокола вен.

Культура: Но неужели для выздоровления достаточно заблокировать больные участки?

Покушалов: В сердце есть специальный восстановительный механизм. Кардия — структура очень сложная. Дело в том, что одно заболевание порождает новое. Аритмия порождает аритмию. Это как порочный круг. Наша задача — прервать его либо навсегда, либо временно. Когда прерываем временно, в сердце возникают процессы восстановительного характера. Таким образом, если болезнь зашла не слишком далеко, она излечивается сама посредством временной блокировки больных клеток. Удалять ничего нельзя, потому что в сердце нет лишних структур. Сейчас в клинике проходят испытания препарата, который, с одной стороны, является ядом, а с другой — помогает временно блокировать больные участки сердца.

Культура: Как Вы стали врачом? Это семейное?

Покушалов: О нет! В моем роду никогда не было медиков. Мама — преподаватель английского языка. Папа — инженер. Но профессию мне выбрали родители. Дело в том, что я не знал, кем хочу стать, чему посвятить жизнь — в голове вообще не было мыслей на этот счет. В школе я учился не очень. Мы жили в Томске в заводском районе. Среда тяжелая... Об этом лучше не вспоминать. Я бесконечно благодарен родителям, которые поставили мне мозги на место. Томский медицинский госуниверситет я уже окончил с красным дипломом. С первого курса все складывалось хорошо. Я как-то сразу удалять клетки — кошунство. Больные узлы в отключенном состоянии через некоторое время восстанавливаются сами. После этой процедуры большинство пациентов к нам уже не возвращаются, аритмия их больше не беспокоит. Они излечиваются полностью. Примечательно, что после такой операции не остается следов на теле, если не считать

комендует группой экспертов здравоохранению для практического применения. Свою гипотезу мы выдвинули полтора десятилетия назад, и лишь сейчас разработки стали внедряться, появляться в мировых практических рекомендациях — американских, канадских, европейских, азиатских. Нам понадобится еще около пяти лет, чтобы вытеснить схемы лечения, применяемые в настоящее время. Сегодня наш метод используется массово только в связке с традиционной технологией.

Культура: Ему пока нет доверия в качестве автономного?

Покушалов: Доверие есть. Но если у него точно такая же эффективность, как у предшественника, смысла в автономии нет. Нужно доказать, что наша технология намного лучше. На протяжении последних лет мы не стояли на месте — не только

не зависящих от нашего образа жизни. Нередко аритмией страдают люди, которые занимаются спортом, но злоупотребляют спиртным, неправильно питаются. То есть мы не всегда можем объяснить причину нарушений. Возможно, недуг заложено генетически.

Дело в том, что категория пациентов совершенно разная и разброс по возрасту весьма широкий. Как правило, сердечников достаточно во всех социальных слоях, хотя считается, что среди интеллигенции их больше. Есть люди с врожденной патологией (возможно, об этом и говорили древние), но самая многочисленная группа имеет приобретенный характер заболевания. Это болезнь возрастная: у некоторых нарушение сердечного ритма возникает после шестидесяти лет, но в основном — уже после пятидесяти.

Многие российские лечебные центры оснащены гораздо лучше, чем европейские

совершенствовали свою гипотезу, но параллельно опробовали новые идеи. Клиника в недалеком будущем предложит еще более совершенные методы.

Культура: Можно ли Ваши технологии, основанные на блокировке больных клеток, использовать для лечения других заболеваний?

Покушалов: Именно на это и направлены исследования. Система, предложенная нами, эффективна при лечении сахарного диабета, атеросклероза, сердечной недостаточности и других болезней. Разработка гипотез — процесс не быстрый. Думаю, пройдет еще лет пять, прежде чем появятся первые результаты. Чтобы ускорить процесс, должны подключиться исследовательские группы из других клиник. Однако ныне самое важное направление в медицине — победа над сердечно-сосудистыми заболеваниями. Больше всего смертей происходит именно от них, а отнюдь не от рака, как принято считать. Это относится ко всем странам мира, независимо от уровня их экономического развития.

Культура: Аритмия — болезнь цивилизации? Истинные и средневековые времена истории о ней не упоминают.

Покушалов: Мы разобрались с патологией. Нельзя сказать, что нарушение сердечного ритма у людей появилось лишь в последние столетия. Болезнь существовала всегда, просто продолжительность жизни раньше была значительно меньше. Люди умирали внезапно, умирали во сне — и никто не исследовал, по какой причине. Считалось, так Богу угодно. Сейчас мы стали лучше разбираться в проблеме. Есть привычки, которые способствуют недугу: курение, алкоголь, переизбыток, ограничение физических нагрузок. Но влияет и много факторов,

Культура: Вы практиковались в клиниках многих стран. Насколько наша медицина отстает от зарубежной?

Покушалов: Действительно, обеспеченные россияне предпочитают лечиться за рубежом, поэтому бытует мнение, что наша медицина отстает. Я не могу сказать про все направления, но в кардиохирургии мы, напротив, кое в чем опережаем, являемся лидерами. Многие российские лечебные центры оснащены гораздо лучше, чем известные больницы европейских стран, у нас самое передовое оборудование и технологии. Приведу пример. Один бизнесмен поехал на лечение в Германию, а там очень удивились и спросили: зачем он прибыл в чужую страну, если в Новосибирске есть клиника Мешалкина, где лечат гораздо лучше? Бизнесмен вернулся в Россию, пришел к нам и получил квалифицированную помощь на Родине. И в других медицинских областях мы не уступаем. Да, у нас еще много недочетов, но уже нет необходимости в лечении за границей.

Культура: Какой Вы себе представляете медицину будущего?

Покушалов: Все операции, в том числе на сердце, станут выполняться без разрезов, с помощью микродоступов — хирургия уйдет к закрытым процедурам, вмешательство с разрезанием тела скальпелем останется в прошлом. Также нормой станет лечение пораженных участков легкого излучением. Места патологии в сердце начнут определять при помощи наложения на грудную клетку специального жилета, и подобная разработка уже есть. Очаги аритмии назовут опухольными субстратами. В результате операцию заменят облечением — как при онкологической опухоли.

Никто не хотел отступать?

1 Разумеется, многого не хватало, те же Т-34 выпуска начала 1942-го года — голыми катками с «внутренней амортизацией» — резины не хватало. Гремели такие танки страшно, но исправно ездил и стрелял. Упрощали все, что можно, главное — насытить войска оружием, транспортом, ГСМ, боеприпасами и продовольствием. С последним приходилось особо туго, тыловиким сильно урезали нормы — время было голодное, но солдат накормили, и они были готовы наступать.

Красные командиры уже набрались опыта, разработали новые тактические приемы. Пришло понимание того, что вермахт силен организацией, но едва Ordnung нарушается — все начинает сыпаться как карточный домик. Не было больше и «танкобоязни» первого года войны, научились успешно пробивать «панцеры» — было чем. «На вооружение войск поступали модернизированные артиллерийские 45-миллиметровые противотанковые пушки, новые 76-миллиметровые пушки... Общая численность нашей действующей армии возросла до 5,6 миллиона человек, количество танков достигло 3882, орудий и минометов — 44,9 тысячи (без 50-мм минометов, которых было 21,4 тыс. штук), боевых самолетов — 2221. В войсках широко развернулась боевая подготовка, всесторонне осваивался опыт войны и новая боевая техника», — сообщила в книге «Воспоминания и размышления» маршал Георгий Жуков.

Казаюс бы, при множестве проблем противника наша армия должна была начать освобождение оккупированных территорий. Многие военачальники и просто ветераны войны в своих мемуарах пишут о том, что царил всеобщее воодушевление, причем вполне обоснованное — живой силы, техники, боеприпасов и прочего хватало.

«Приказы»... всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев», — говорится в приказе нарком обороны СССР №130 от 1 мая 1942-го. Разумеется, просто так вождь подобные документы не подписывал.

Однако разразилась трагедия, затмившая катастрофу лета 1941-го.

Началась она в мае, когда наступательная Харьковская операция обернулась окружением большой группировки РККА.

Точные потери до сих пор неизвестны. Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция не увенчалась успехом, немцы внезапно прорвались в сторону Кавказа и Сталинграда. Отметим, что в обоих случаях численность (и по количеству техники тоже) преимущество было на нашей стороне.

24 июля — без боя оставлен Ростов-на-Дону... «Главная проблема в том, что Советский Союз мог остаться совсем без ГСМ. Вермахт рвался к нефтяным приискам Баку и Прозного, а также к Волаге — главной транспортной артерии, по которой топливо поставлялось на фронт. А без нефти встали бы танки, самолеты, грузовики и все прочие виды транспорта. Лишенная техники армия была обречена на поражение, именно поэтому и вполне резонно события лета 1942-го оцениваются многими экспертами как более тяжелые, нежели годом ранее», — объясняет кандидат исторических наук Алексей Исаев.

Стоит еще вспомнить, что тогда же провалилась Керченская оборонительная операция (8–19 мая), урон, по официальной версии, составил не менее 200 тысяч человек. При более чем странных обстоятельствах, несмотря на беспримерное мужество защитников города, сдали Севастополь (3 июля). При попытке наступления на Ржевский выступ под Белым пгиб генерал Александр Березин (5 июля), 41-я армия понесла значительные потери, включая

ФОТО РИА НОВОСТИ

около восьми тысяч пленными. Под Ленинградом произошла катастрофа Волховского фронта, название деревеньки Мясной Бор стало синонимом жуткой бойни. 2-я ударная армия была окружена и уничтожена, а ее командующий, генерал Андрей Власов, сдался немцам (на поступках этого персонажа не будем останавливаться отдельно — все понятно и так).

Дальние рубежи

Ошибки командования, трагическое совпадение — так пытаются объяснить странную череду поражений. Но это — лишь одно из предположений. Быть может, чтобы найти ответ, стоит внимательно прочесть сам текст документа? ...Незря дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции...

«Безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта»...

«Безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду... Что любопытно, про простоту красноармейцев и краскомов уровня взвод-рота в приложении не так много упоминается, к ним у Сталина претензии отсутствуют. И тут нет ничего удивительного.

«Стойкость рядовых бойцов и их командиров была на высоте, ведь пехотный (танковый, артиллерийский...) Иванов прекрасно понимал, что Гитлеру ни он, ни его семья не нужны, захватчиков интересует только русская земля и ее богатства. Лейтенант Петров и комбат капитан Сидоров не собирались отступать, да и командир их полка тоже. Советскую власть защищали — свою, народную, и себя тоже», — уверен доктор исторических наук Юрий Жуков.

Но есть в приказе очень неприятные строчки. «Безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекайте пропаганду о том, что мы можем и должны якобы от-

ступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда».

Откуда появлялись «отступательные настроения»? И на каком уровне рождались? На кого воздействовала пропаганда нацистов?

«Немцы, бесспорно, постоянно вели агитацию, направленную на рядовых бойцов. Успеха они не имели — над трансляциями солдат смеялись, а листовки использовали в отхожих местах. Вообще-то, брать в руки их запрещалось, но бумаги вечно не хватало... Однако писари, ординарцы, адъютанты и прочие штабные крысы периодически приносят, стоит внимательно прочитать их полковник (генерал) сказал — нужно отступить, есть куда, в глубоком тылу, где-то под Горьким и Казанью, созданы мощнейшие оборонительные рубежи. И там немцы точно не пройдут», — рассказывал «Культур» ветеран Великой Отечественной войны сапер Василий Поляков.

Упоминутые укрепления действительно строились, они сохранились и доступны сегодня для посещения. Более того, в последние годы там появились памятники, посвященные трудовому подвигу создавших их людей.

«Вокруг Горького было организовано 15 Полевых строительных батальонов, наше, 5-е, занимало Работкинский район. Да, тогда опастность для Горького казалась вполне реальной. И вокруг всех бывших поволжских городов — Казани, Ульяновска, Куйбышева, Саратова — тоже копались противотанковые рвы, строились огневые точки», — писал в своих мемуарах «Записки беспогонника» работник Главгидростроя НКВД князь Сергей Голицын. Кавалер орденов Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалей «За оборону Москвы» и «За боевые заслуги» был волевым наемным топографом.

Описанные выше рубежи рассматривались командованием Красной Армии как резервные, на самый крайний случай — если вдруг сдадут Москву. Вот только столица СССР уже тогда превратилась в неприступную крепость, и взять ее вермахту в 1942-м было совершенно нереально. Тем не менее строительство запасных оборонительных линий старались держать в строжайшей тайне, прежде всего для того, чтобы в армии не расслабля-

лись. Военачальники почему-то пренебрегали этими мерами секретности.

Стоит отметить еще один неприятный аспект: в Ставку и Генштаб доходила, мягко говоря, не самая достоверная информация.

«На уровне взвод-рота составлялись совершенно объективные донесения, потом в штабе полка их слегка приукрашивали. На уровне дивизии добавляли лоска, в штабе армии — еще. Отбили немцев на деревеньку, доложили. А после двух-трех правок получалось, что проведена чуть ли не успешная наступательная операция силами целой дивизии», — вспоминал ветеран войны Виктор Смирнов.

В итоге, как и годом ранее, Москва порой получала откровенную дезинформацию, что самым негативным образом сказывалось на планировании операций. Поэтому просчеты, конечно же, были. Но только ими объяснить масштабы весенне-летней трагедии 1942 года нельзя, а уж сам 227-й приказ — тем более. В противном случае появились бы документ о недопустимости какого-либо вранья в донесениях и о суровых карах за ложь. Но генералам и комиссарам просто приказали выполнять указания Ставки, не отступать, когда они того пожелают. Выходит, Сталин верил простым бойцам, но не до конца доверял генералам и комиссарам?..

Взялись за ум

Действительность «Ни шагу назад» многие ставят под определенные сомнения. И в первую очередь потому, что при помощи 227-го якобы нередко сводили счесть.

«Распространенная ныне байка — воинская часть получила устный приказ отойти на запасные позиции, а ее командира потом за это отдадут под трибунал. Так-де разбирались с неугодными — слишком самостоятельными, инициативными и резкими на язык. Что порой вело к неоправданным потерям, ведь маневрировать начинали банально бояться — стояли под огнем врага. Это ложь, появившаяся потому, что люди у нас тогда были настоящими, цельными, а сегодня они морально разложались. Вот и придумывают различные небыллицы», — негодует Юрий Жуков.

Вторая, не менее «популярная» легенда — пресловутые штрафбаты. О них снимают фильмы, имеющие мало общего с реальностью, пишут книги, делают телепередачи... Цифры фигурируют страшные.

Что же, снова обратимся к тексту приказа:

«Сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины».

Посмотрим на реальную статистику: за годы Отечественной войны во все штрафные подразделения угодило 427 910 человек — это 1,24 процента от числа воевавших, которое оценивается в 34 миллиона. Штрафников вели в бой обычные офицеры.

«По сути, 227-й приказ просто узаконил сложившуюся в войсках реальность, — объясняет Алексей Исаев, — подобные части создавались и ранее, начиная с 1941 года. Поэтому на данном аспекте не

следует акцентировать внимание. Тогда и немцев встать вспомнить!

Для справки: «Особые полевые подразделения», они же «Батальоны-500», создали в вермахте еще в 1940-м, и на сей счет критики штрафных батальонов почему-то помалкивают.

«Приказ был нужен для отрезвления генералитета: пора прекратить отступать, надо начинать всерьез браться за врага. А вскоре грянул Сталинград», — считает Юрий Жуков.

И не поспоришь. Получается, одни испугались возмездия, другие просто взяли за ум. В общем, сработало.

«Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патристического содержания, по степени эмоциональной напряженности, — вспоминал маршал Александр Василевский. — Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время».

Но сегодня есть и иные мнения.

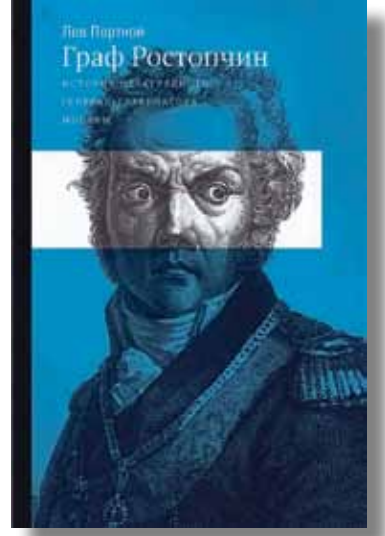
«Я бы не стал придавать приказу №227 такого значения, это просто «одна из» многочисленных директив. И распространенное мнение о том, что без нее мы бы проиграли войну, совершенно ничем не обосновано. Какой-то статистики о пользе 227-го или, наоборот, вреда не существует, посему не стоит заниматься особыми восхвалениями или порицаниями. Надо лишь отметить, что приказ явно написан в критической обстановке», — считает Алексей Исаев.

Истина, как обычно, находится посередине. Главное, что стоит помнить: история Великой Отечественной — слишком трагическая тема, к ней нужно относиться бережно и очень внимательно. Предстоят серьезные исследования, именно они способны беспристрастно объяснить все оставшиеся до сих пор неясными эпизоды той войны.

Русский римлянин

Александр КУРГАНОВ

К очередному юбилею Отечественной войны 1812 года в издательстве «Бослен» вышла книга Льва Портного «Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы». Герой исторического исследования известен как русский Герострат — человек, который сжег древнюю столицу России. Но в его биографии есть много интересного и помимо знаменитого пожара.

«Случай Ростопчина» — пример того, как работа социальных лифтов в екатерининских и павловские времена. Мелкий дворянин сумел достичь положения второго человека в империи. Конечно, не сразу: он храбро воевал с турками и шведками, учился в университетах Европы, был придворным (в отличие от Пушкина, камер-юнкерский мундир носил с удовольствием).

Надо отметить, что Ростопчин умудрился сделать блестящую карьеру без помощи высоких покровителей. Что же вознесло его на российский политический олимп? «Харизма, холерический темперамент, искрометный юмор и прилежная служба стали союзниками Ростопчина в борьбе за будущее», — пишет Портной.

Сказано красиво, но мало что объясняет. Скорее, наоборот, чрезмерное чувство юмора вредило нашему герою. Ростопчин был недоволен на язык и не признавал авторитетов. Фаворита Екатерины II Платона Zubова называл недалеким, бездарным и душно воспитанным. Про Григория Потемкина высказывался так: «Великий человек исчез, не унося с собою никаких сожалений». Императрица не терпела насмешек над любимцами. Язвительные шутки могли привести Федора Васильевича в крепость. Но Екатерина довольствовалась тем, что обещала камер-юнкера «сумасшедшим Федулькой» и отправила остроумца отдохнуть — в имение отца в Орловской губернии.

Волею случая Ростопчин оказался при дворе наследника престола Павла Петровича, а после воцарения сына Екатерины сделался его генерал-адъютантом, затем возглавив Военный департамент. Получил титул графа. Стал первоприсутствующим Иностранной коллегии. Хотя Федор Васильевич официально не назывался канцлером, фактически он исполнял эту важнейшую должность.

Современники считали Ростопчина самой выдающейся фигурой павловского царствования. Игрою судеб у престола очутился человек, способный управлять дедами огромной империи, с собственной, тщательно продуманной программой действий. Чего стоит один только проект по сближению с республиканской Францией! Этот союз, по мысли графа, должен был привести к разделу Османской империи (именно Федор Васильевич первым назвал Высокую Порту «безнадежным большим»), при этом к России отходили территории современных Румынии, Болгарии, Молдавии и Греции.

В своей записке Павлу I Ростопчин заявляет: Российская империя «как положением своим, так равно и неистощимой силой есть и должна быть первая держава в мире». Поэтому ведущие государства Запада «скрытно питают зависть и злобу». По мнению графа, «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых», так как, вступая в различные союзы, страна почти всегда действовала в ущерб национальным интересам.

Мы никогда не узнаем, по какому пути пошла бы история, если бы Ростопчину удалось осуществить свои замыслы. Но именно они послужили причиной гибели Павла I. Убивая императора, заговорщики, ведомые Англией, прежде всего целили в «проект Ростопчина».

Внешнеполитические взгляды Федора Васильевича, а также его деятельность как идейного лидера «русской партии» — причина того, что граф надоело

попал в немилость к нашим либеральным историкам. Лукавый царедворец, двуличный интриган — каких только ярлыков не навешали... Лев Портной предпринял попытку реабилитировать человека, чей образ был «сознательно искажен недоброжелателями».

Собственно, доказать, что им двигали не карьерные интересы, а интересы России, попытался сам Федор Васильевич. Не получив после 11 марта 1801-го от Александра I приглашения вернуться на госслужбу, Ростопчин решил добиться этого силой, принудив императора прислушаться к патристической позиции. Он открыто критикует политику нового царя. Александр Булгаков вспоминал: «Не раз дронгула у меня рука, описывая то, что Ростопчин говорил государю: то восставал он на некоторые предпринимаемые у нас меры, то делал он смелые замечания на счет людей, избираемые на важные места по одному только фавориту или проискав царедворцев, окружавших престол царский, отчего важные места делались недоступными для людей способных, достойных и Отечеству своему преданных».

Ростопчин выступал против низкопоклонства перед Западом: «Мы перестали быть русскими, купив знание иностранных языков ценою дедовских нравов». Он призывает оградить детей от иноземного воспитания. Его «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» и другие сочинения, ставшие манифестами русского национального движения, расходятся огромными тиражами.

И граф добился своего: в мае 1812-го Александр I произвел опального Ростопчина в генерал-адъютанта и назначил главнокомандующим Москвы. А через несколько месяцев древняя столица была оставлена русской армией и сгорела.

История Московского пожара по сей день остается лаконичной темой для конспирологов. Лев Портной считает, что Александр I задолго до вторжения Наполеона планировал отступление к Москве, оставление города неприятелю и его сожжение. По мнению автора исследования, Ростопчина в замыслах императора не посвятили. Но ведь именно Федор Васильевич призвал государя к борьбе с врагом до последней капли крови. Лидер «русской партии» писал монарху: «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате. Шестнадцать миллионов исповедуют одну веру, говорят на одном языке, их не коснулась бритва, и борды будут оплотом России. Кровь, пролитая солдатами, породит им на смену героев, и даже если бы несчастные обстоятельства вынудили Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске».

Пушкин задавался вопросом: «Гроза двенадцатого года / Настала — кто тут нам помог? Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский Бог?». По мемуарам Ростопчин. Сожженная им Москва являлась одним из решающих факторов поражения Великой армии. Стендаль, служивший в войске Наполеона интендантом и видевший пожар Москвы, написал: «Этот Ростопчин или негодай, или римлянин. Любопытно было бы знать, как будут смотреть на его поступки».

Ростопчин был русским. И это многое объясняет.

Влад Маленко: «Есенин будет по-своему открываться новым поколениям»

Дарья ЕФРЕМОВА

В Москве осенью откроет двери «Есенин-центр», обещающий стать точкой притяжения для всех, кто неравнодушен к рифме. «Культура» пообщалась с художественным руководителем проекта, основателем «Московского театра поэтов», актером и режиссером Владом Маленко.

культура: В замоскворечье уже существует музей-квартира Сергея Александровича, ведется активная просветительская работа. В чем принципиальное отличие «Центра»?

Маленко: Музей в Строченовском — удивительное место. И в этом контексте не могу не сказать теплых слов в адрес его бессменного директора и основателя Светланы Шетраковой, чей талант и воля выстроили целую концепцию уникальных активностей, связанных с именем Есенина. Новый проект департамента культуры Москвы не собирается быть «конкурирующей фирмой», скорее, наоборот, мы станем продолжателями традиций. Об этой преемственности свидетельствуют и выбранные нами адрес — переулок Чернышевского (дом 4, строение 2) — исторически связанный с жизнью поэта в столице. Здесь заседал литературно-музыкальный кружок, который Есенин посещал с 1912 года.

Из точки, расположенной в живописном потаенном уголке центра Москвы, мы хотим сделать приют для всех поэтов. Как для тех, кто только начинает стучаться в двери большой литературы, так и для признанных мастеров. Экспозиция будет составлена таким образом, чтобы у посетителей складывалась полная картина развития поэзии и в мире, и в нашей стране: Золотой и Серебряный век, военная литература, «оттепель», современность. Ведь все авторы друг с другом связаны...

К примеру, сейчас мы готовим обширную акцию, включающую уличные шествия и спектакль «Поэты ремонтируют время». Представьте себе Пушкина в строительной альюлке, качающейся под дуной. Лермонтов кричит: «Майна! Вира!» Мандельштам свариает части железных труб, по которым кровь творчества поступает в день сегодняшний. Блок и Тютчев вставляют стекла в магические кристаллы не открытых еще астронавтами звезд. А Есенин, этот русский пророк, стоит на крыше и пришивает к московскому бездонному небу новое солнце. Люди как-то по-особенному относятся к Есенину. Наверное, потому и захотелось посвятить «Центр» именно ему. Он, как и Пушкин, символ поэтического мира. Сергей Александрович — Александр Сергеевич...

культура: А чем лично Вам дорог Есенин?

Маленко: Мое детство пришлось на семидесятые. Тогда каждую коммунальную квартиру украшали маленьким изображением большого поэта. И

у нас дома было так. Вместе со сказками Пушкина в мой детский мир затекали волшебные молитвенные стихи Есенина. Став постарше, пережил другое потрясение — шукшинскую «Калину красную» с ее милостью к падшим и песней на стихи Сергея Александровича, которую исполняли заключенные в лагере... А сейчас я абсолютно уверен в том, что Есенин будет по-своему — но не менее ярко — открываться новым поколениям. Ведь за всеми березками, персиянками и золотыми

кудрями стоит абсолютно фантастический мир.

культура: «Московский театр поэтов», которым Вы руководите, станет первым резидентом нового «Центра». Чем удивите публику?

Маленко: Мы начнем со спектакля «Площадь Революции, 17», который с успехом идет в «Центре драматургии и режиссуры». Это действо — абсолютно новый шаг в поэтическом театре, ведь на сцене нет ни одного актера. Только пишущая братия. И всем моим ребятам примерно столько же лет, сколько было Есенину, Маяковскому, Цветаевой, Мандельштаму в 1917 году. Они высказываются на тему тревожного исторического рубежа. И при этом подчинены общему ритмическому орнаменту. Жесткому. Недаром наш музыкальный идеолог — Сергей Летов.

В связи с этим вновь вспоминается Сергей Александрович и его блестящая эссе «Ключи Марии», созданное в 1918-м. Ему на тот момент было всего 23 года, но как это необыкновенно написано... Вот и в нашем спектакле о революции молодые современные поэты вибрируют так, будто они — буквы новых текстов, тающих в предсказаниях. Александр Антипов, Алена Синеца, Александр Скуба, Рина Иванова, Вениамин Борисов — интересные имена. А еще мне очень хочется сделать вторую часть «Площади Революции», где будут задействованы актеры и музыканты. И тогда я по-таганковски срифмую посвящение эпохе. Ведь нельзя не сказать о том, что «Московский театр поэтов» — продолжение линии, утвержденной Юрием Любимовым в середине XX века. Кстати, осенью этого года режиссеру исполнилось бы 100 лет. Он ровесник революции. И это тоже рифма.

В наших ближайших планах — детский вербатим о том, почему все люди пробуют писать стихи в юности, а кто-то даже не бросает это занятие с годами. Высказывание представит режиссер Рита Саар. На очереди также осенняя премьера «Контрабасен» по довольно известным произведениям вашего покорного слуги, еще готовится спектакль-конструктор «Шпалик» совместно с журналистом и режиссером Михаилом Довженко. Кроме того, мы запускаем четвертый «Филатов-фест» уже в помещении «Есенин-центра». Короче говоря, свободное время не. Приходится писать стихи под утро и ворковать часы у сна, а потом ремонтировать свое же время.

Елена Левина:

«Дворянские гнезда китча не выносят»

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМИНЦЕВ

Левина: Очень жаль, что в последнее время к нам меньше привозят детей. Ведь одна из миссий любой литературной усадьбы — обеспечивать живую связь времен. Как бы громко это ни звучало, классика — основа национальной идентичности. Именно она воспитывает, закладывает идеалы и традиции. Сейчас все больше людей, у которых едва ли не все в произведениях прошлого вызывает непонимание.

культура: Автор «Отцов и детей» много времени проводил за границей, а здесь прожил в общей сложности 17 лет: в детстве и юности и во время ссылки 1852 года за статью-некролог «Памяти Гоголя», напечатанную в «Московских ведомостях». Так ли важен был для него дом в Орловской губернии?

Левина: Тургенев — безусловно, русский европеец, но его мир и творчество кровно переплетены со Спасским. Живя во Франции, Германии, он стремился приезжать сюда как можно чаще, в места своего непростого детства. «Только что провела целых четыре дня не в стогне сена, правда, но в аллеях старого деревенского сада, полного сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней, а вокруг дестины волнующейся ржи! Это было чудесно...» — писал он в мае 1871 года Гюставу Флоберу. Тургенев очень скучал по Спасскому. Мечтал провести здесь последние дни, но не сложилось. «Когда будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь», — просил он Полонских.

А итогом сылки стали повести «Постоялый двор» и «Два приятеля». «Я познакомился с великим множеством новых лиц и ближе стал к современному быту, к народу», — подводил Тургенев итог ареста. На самом деле, многие его произведения — родом отсюда: «Фауст», «Рудин», «Дворянские гнезда», «Новь». Даже находясь далеко от Спасского, Тургенев мысленно возвращался в родные места, вспоминал детство, юность, людей, которые ему были дороги, и тех, к кому сложно относился... **культура:** В связи с этим любопытен образ Варвары Петровны, матери писателя. Самый известный ее литературный портрет — барыня из «Муму».

Левина: Она была сложной, противоречивой натурой, но умным и ярким человеком. По мнению ряда литературоведов, она стала прототипом не только хозяйки Герасима, но и жестокой помещицы Глафиры Ивановны Гагиной в романе «Два поколения». Да и жена Лаврецкого в «Дворянском гнезде», судя по всему, названа в ее честь. При этом художественный язык писателя несет в себе воздействие, своеобразные ментальные и речевые строя Варвары Петровны. К примеру, ее мысли, замечания, эпистолярная фразеология нашли отражение в рассказах и очерках «Записок охотника». Вообще, в Спасском Тургенев многое переживал — и горечь, и радость. Он говорил, что лучшие годы прожил здесь. Иногда у него гостили Толстой. И хотя отношения с Львом Николаевичем не всегда были безоблачными, в Спасском конфликты сглаживались. Современники рассказывали, как в каком-то бесшабашном порыве Толстой прошептал колесом по чинным англичанам тургеневского дома. А однажды, гуляя с Тургеневым по окрестностям, Лев Николаевич увидел старого изможденного коня и тут же стал рассказывать спутнику, что чувствует несчастное животное. Иван Сергеевич спросил: «Когда-нибудь Вы были лошадь?» Из этого эпизода родился рассказ «Холстомер».

культура: Помимо прочего, «Спасское-Лутовиново» — это еще и один из самых богатых мемориями музеев, не так ли?

Левина: У нас в экспозиции более 140 предметов, принадлежавших писателю и его предкам. Фортепиано под личной маркой, Иван Сергеевич приобрел инструмент в конце 1870-х годов, но изготовлен он был в 40-х петербургским отделением фирмы «Лихтенгау». В углу столовой громадные английские часы с надписью «Бьют — молчат» (строки из повести «Бригадир»). Знаменитый тургеневский диван — «самосон», на который, как гомею ворил писатель, «стоит лишь прилечь, как уже спишь... Постараюсь его избежать». В большой гостиной мебель красного дерева — лучшие образцы русского ампира. Ширма, изготовленная крепостным художником по заказу Варвары Петровны. Она привезла из Сорренто альбом с крышечкой деревянной мозаики, показала столу и велела сделать нечто подобное. А тот, не имея представления об инкрустации из дерева, просто нарисовал красками цветы и фрукты, что произрастали в здешних теплицах и оранжереях. А в комнате для отдыха, которую хозяйка называла «Казино», шахматный столик — за ним Тургенев сражался с Толстым. Другая в шутку называли Ивана Сергеевича лучшим литератором среди шахматистов и лучшим шахматистом среди литераторов. В Спасском бывало много гостей: Фет, Некрасов, Григорьев, Боткин. В кабинете еще одна семейная реликвия — старинная «византийская икона, вся почерневшая, в серебряном окладе». Тургенев рассказывал о ней в письме к Флоберу: «...Виден лишь огромный, мрачный и суровый лик — он меня немного угнетает, но я не могу распорядиться, чтобы икону убрали — мой слуга счел бы меня язычником — а здесь с этим не шутят». Согласно семейной иконе, икона пожа-

ФОТО: КОНСТАНТИН ЛЕВЧЕВ/ТАСС

актив: праздники, театрализованные шоу, незамысловатые развлечения для туристов. Но я против плохой самодеятельности. Если мы готовим концертные программы, то привлекаем лучших артистов и исполнителей. Все, что связано с именем большого писателя, должно делаться на высоком уровне, не хочется, чтобы это выглядело жалко. Меня не раз спрашивали, почему бы вам не нарядить кого-нибудь Тургеневым, чтобы он встречал гостей у крыльца, скажем, вместе с Поиной Виардо? Да это неуместно! Классика требует деликатного от-

Фамильная часовня Лутовиновых

Мурзилка, будь человеком!

ГАЛЕРЕЯ «Веллум» предлагает вспомнить яркое советское прошлое — здесь проходит выставка «Мурзилка и мировой империализм», посвященная творчеству знаменитого графика Аминадава Каневского. «Твои рисунки увидев, / Тебе, мой друг, сказал бы Чехов: / «Благодарю, Аминадав!» — убеждал художника Самуил Маршак. А Чуковский со свойственной ему учтивостью писал: «Только теперь я увидел Вашего «Балду» и спешу выразить Вам свой восторг... Уверен, что сам Александр Сергеевич одобрил бы эти картины».

Им восхищались не только классики, но и обычные читатели. Очередной номер «Крокодила» ждали с нетерпением — из-за его карикатур. Ведь все-

народную славу он обрел именно благодаря сатирическим рисункам. В восторге были и критики, отмечавшие обаяние, силу таланта и «ясность идейных позиций передового советского художника». Передовым он, к слову, был не всегда. Например, во время учебы во ВХУТЕМАСе отставал от моды тех лет, не поддаваясь влиянию актуального абстракционизма, кубизма и «прочих побегов формализма». Милый его сердцу реализм тогда почетом не пользовался. Позже Каневский со смехом вспоминал, как проходили уроки в мастерских продвинутых живописцев: «Уважающие себя и вполне воспитанные молодые люди и девушки писали натюрморт. Синяя вазочка, и в нее воткнуты бумажные

цветы... Прежде чем начать свою работу, я решил посмотреть, как пишут они и как получается натюрморт. Ничего похожего на синюю вазочку с цветами я не увидел». Вместо ожидаемого результата будущий народный художник СССР обнаружил на холстах «кашу из ультрамарина и краплака, канареечные компоты, дичь, чужь, белиберду и бред».

Вдоволь насмотревшись на этот сумбур, он пошел учиться к Владимиру Фаворскому, блестящему мастеру ксилографии и книжного дизайна. В итоге Каневский превратился в отличного графика. Умел с помощью нескольких штрихов добиться удивительного эффекта. При этом был прекрасным колористом, в чем можно убедиться на выставке, посмотрев на неизвестные широкому зрителю акварели мэтра: лиричные работы «Читающая», «Сидящая на фоне деревьев» или «В Тарусе».

Каневский, кстати, в юности мечтал вовсе не о сатире, а о тихих поэтичных пейзажах. И тем не менее впервые его рисунки появились в журнале «Безбожник у станка». Затем — в «Пионере», «Даше» и «Комсомольской правде». А с середины 30-х художник превратился в постоянного автора «Крокодила». С этого и началась всенародная слава карикатуриста. Но самым известным его детищем стал пушистый желтый зверек в красном берете и с фотоаппаратом через плечо. В 1937 году он украсил знаменитый детский журнал. В номере говорилось: «Наконец-то

«Сэр, не кажется ли вам, что с Россией всегда было трудно разговаривать с позиции силы?». 1957

нашелся Мурзилка! Его поймал художник Каневский и притащил в редакцию. Посмотри на обложку — там ты увидишь Мурзилкин портрет».

Справедливости ради надо сказать, что

Мурзилка существовал и раньше, только постоянно менял облик. В XIX веке, будучи героем детских книжек, он предстал в виде крошечного эльфа во фраке, шелковом цилиндре, с моноклом и тросточкой. А после революции, когда его именем назвали журнал, превратился в дворянскую. Так и жил с четырьмя лапами и хвостом, пока Каневский не избавил его от собачьей жизни. С тех пор зверек тоже, наверное, не раз повторял: «Благодарю, Аминадав!»

Как ни странно, на выставке Мурзилка не представлен — ни в прежнем образе, ни в трактовке Каневского (галерея изображениями известного героя не располагает, всякий зритель помнит его и так). Зато в обилии представлены сатирические картины его «папы». Вот «Дорожные рабочие» из «Крокодила» за 1965 год: тройка колоритных раздолбав режется в карты на развороченной трассе... Неподдалеку висит «План коровника»: под проливным дождем, укутавшись в рогожу, сидит корова, рядом — стакан чая, прямо перед ней — унылый чиновник, что-то волоквящийся продорожной парнокопытной. Или долговязый джентльмен, стоя возле «богатырей» Васнецова, спрашивает собеседника: «Сэр, не кажется ли вам, что с Россией всегда было трудно разговаривать с позиции силы?»

Для скучающих по детству отдушиной станут канонические рисунки Каневского к «Девочке-ревушке» Барто или к «Расеянному» Маршака. Подарок для любителей изящной словесности — оформление классики. Художник следовал заветам Фаворского, утверждавшего: «Я не иллюстрирую произведения, а создаю книгу».

Марина ИВАНОВА

Играем Тышлера

ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА продолжает традицию, начатую показами произведений меланхолических Джорджо Моранди и Гарифа Басырова. Проект «Александр Тышлер. Игра и лицедейство», включающий около 150 экспонатов (в основном из переданной музею коллекции вдовы, Флоры Сыркиной), — событие не рядовое. Тышлера выставляют редко: тот же ГМИИ устраивал ретроспективы лишь дважды — в 1966 и 1998 годах. Меж тем художник не уступал в таланте более известным современникам — Фальку и Шагалу.

Исследователей поражает несоответствие бурного темперамента автора и сумрачного настроения его работ. По воспоминаниям, мастер был веселым, беззаботным, насмешливым. С легкостью шел по жизни, слепительно улыбался, сверкал черными глазами, за которые в детстве прозвали Смородинкой. Порой запутывался в сердечных связях, но дамы его все равно обожали. Он же в ответ рисовал их портреты. На выставке есть раздел, посвященный изображениям прелестниц. Самая любопытная вещь — «Ванда» (1918): одно из ранних, созданных художником, нечасто обрацавшимся к подобному жанру. Автор наделил чертами ренессансной красавицы подругу-полячку, жившую в Киеве и пропавшую во времена Гражданской войны. Рядом — боттичеллиевский лик первой жены Насти: с булавами и птицами в волосах. Она стала прообразом многочисленных героинь в невероятных шляпках, украшенных свечами, домами и даже кораблями («Океанида»). Картины странные, романтические, из-за них Тышлера причисляли то к формалистам, то к сюрреалистам, то к мистикам.

В творениях живописца действительно присутствует тень незримого. Тонко чувствуя цвет, он не мог похвастаться оптимизмом того же Шагала. Напротив: зритель ощущал кафкианскую грусть, а порой словно оказывался на страницах «Голема» Майринка. Национальная тема для выходца из светской еврейской семьи имела, кстати, большое значение. С огромной любовью Тышлер создает ностальгические образы в произведении «Соседи моего детства» (1965). Много работает для ГОСЕТа (Государственного еврейского театра): оформляет нашуумевшую постановку Соломона Михоэlsa «Король Лир», эскизы можно увидеть на выставке. Выполненные совершенным штрихом, они вызывают в памяти офорты Рембрандта. Рядом — порт-

реты юных и прекрасных Отелло и Дездемоны, которых исследовательница Вера Файковская сравнила с Тышлером и Флорой Сыркиной. Наконец, пред-

ставлены многочисленные изображения Михоэlsa — экспрессивные, ветхозаветные, а также Король Лир с колено-преклоненным шутом, в их чертах угадываются режиссер и его сценарист.

Показанные работы совсем не благостны: мастер постоянно балансирует на грани горечи и ликования. Особенно гротескными выглядят два раздела экспозиции: «In memoriam» и «Капричос». Первый посвящен впечатлениям Гражданской войны. Художник ушел на фронт добровольцем, однако, по уверениям Чайковской, не брал в руки оружия, лишь рисовал. В 1920-е Тышлер по свежим следам изображает ужасы махновщины. В 1960-е, в период личностного кризиса, создает аллгорию: солдата, убивающего голубя (1964).

Другой раздел, «Капричос», вобрал в себя разные диковинки: от почти брейгелевских «Радиооктябрь» (1925) до деревянных скульптур, которыми Александр Григорьевич увлекся, работая в театре. Вытянутые в длину, они напоминают одновременно и глиняные свистульки, и скифских баб. А задно намекают на профессию предков автора — столяров.

Дар Тышлера не до конца осознавался современниками; но всегда ценят его и потомки. Между тем в минувшем столетии мало кто мог похвастаться столь ажурным, по-восточному богатым и в то же время изысканным рисунком. И хотя на выставке нет некоторых знаковых работ, например автопортретов или знаменитого изображения Лили Брик, посетить ее стоит. Чтобы заново открыть для себя художника — странного, непонятного, переменившегося.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Не верь, не слушай, не смотри

Егор ХОЛМОГОРОВ

ИНТЕРЕСНУЮ картину информационных предпочтений жителей России представил в своем новом исследовании Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Многие из нас продолжают смотреть телевизор, но все меньше ему верят. Авторитет интернет-сайтов тоже невысок. Зато число тех, кто не доверяет никому, перевалило за четверть.

«Телу экран» загорается в домах у 79 процентов опрошенных. Это, конечно, не 92 процента, как в 2012 году, но все еще абсолютное большинство. Однако принимает услышанное на веру уже меньше половины — 47 процентов, хотя еще два года назад таких было 63 процента. Для остальных это просто генератор привычного шума, пробуждающего по утрам на работу и убаюкивающего перед сном — часть образа жизни, а не источник новостей и тем более их оценки.

Падение информационной ценности телевидения закономерно и неизбежно. Чтобы понять это, достаточно знать, как создается такая продукция. По сути, теленосители последних 15 лет — это переписанные редакторами сообщения из интернета, на которые наложена картинка (часто не имеющая никакого отношения к тексту), плюс «говорящие головы» — нередко подобранные по принципу «абы кто, лишь бы по теме».

Подробностей телевизор, за редким исключением, не дает, а вот искажения — порой весьма серьезные — допускает сплошь и рядом. Редакторы попросту запутываются в противоречиях интернет-источников, дикторы оговариваются, видеомонтажеры вклеивают не то и не тех — в результате получается абракадабра. Более-менее жив только один, хотя и самый важный, жанр телевидения — прямой репортаж, когда мы можем увидеть все собственными глазами. Но и ему по оперативности и качеству большую конкуренцию составляют видеоблоги. Сливки снимает не тот, у кого хорошая камера, а тот, кто прибежал первым.

Разумеется, это не значит, что люди освободились от навязываемых установок. Мы можем думать, что наше мнение независимо, но на деле даже в фоновом режиме информация, аргументы, повестка телеканалов формируют нас сильнее, чем мы полагаем.

Показательны политические ток-шоу, где ведутся споры по вопросам, относительно которых в обществе существует

стопроцентный консенсус. Когда на каналы зовут российских либералов или украинцев, выступающих за так называемую «политику Порошенко», всем же понятно, что никого, кроме себя, эти герои не представляют. Никакой «группы поддержки» давно уже нет. Но пусть почешут языками, все-таки «другая точка зрения». На выходе же получается, что условный Гозман ходит гололом и свято верит в то, что за ним — сила. Откуда? Какая? А у зрителя нет-нет да мелькнет мысль: «Ну, раз его зовут, значит, что-то есть». Накануне выборов 2018 года о порочности этой конструкции стоит задуматься всерьез.

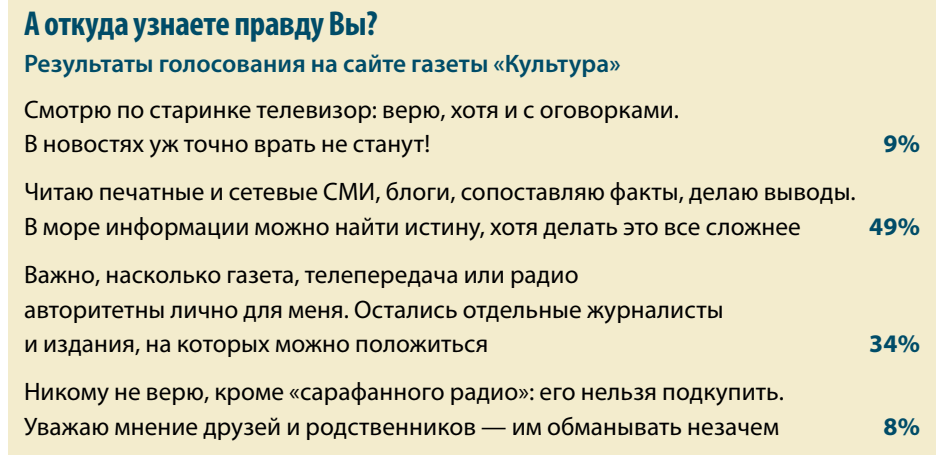
Если кто-то думает, что в Сети лучше, он ошибается. Характерно, что падение веры в объективность телевидения не сопровождается подъемом убежденности в правдивости интернета. Все уже отлично поняли, что такое заказные посты, фейковые новости (причем неважно — оппозиционные или патриотические), с какой легкостью, не замечая даты, старое сообщение соцсети могут выдать за новое, как манипулируют заголовками, дальше которых почти никто новостей не читает.

Интернет хорош тем, что позволяет докопаться до первоисточника и проверить, что же там было на самом деле написано, а также тем, что можно самому найти и сопоставить разные точки зрения и позиции лидеров общественно-политической мысли. Вот только если вы способны проделать такую работу,

то смело можете открывать собственные СМИ.

Не только у нас, во всем мире идет грандиозная перестройка новостных сетей. Люди все меньше верят официальным медиа, которые на глазах превращаются в каналы «фейк-ньюс» и пропаганды. Но никакие новые СМИ, которым верили бы больше, на смену не приходят — ни в интернете, ни где-то еще. Мы живем в эру «постправды», когда человек, вместо того чтобы менять позицию, исходя из сообщенных ему сведений, оценивает новости (и даже ставит под сомнение их достоверность) согласно своим убеждениям. Утверждение «Асад применил химическое оружие» воспринимается не через призму фактов, а согласно общей картине мира — одна у нас, другая у них. И нельзя назвать это регрессом — напротив, это прорыв из мира мнимой либеральной «объективности», в которой «преступления сербов» были «доказанным фактом», а преступлений против сербов попросту не существовало.

В эру недоверия к телеканалам и сайтам успехом пользуется личность, человек, который вызывает симпатию и обладает способностью убеждать. И в выигрыше останутся те политики и общественные деятели, которые сумеют развязать свою позицию, обращаться к фундаментальным ценностям, увлекать за собой, не лгать и не предавать. В основе новой информационной картины — не технологии, а люди. Их пока мало, слишком велика инерция старых медиа. Но процесс перехода к новой модели уже запущен, и результаты опроса ФОМ — тому прямое свидетельство.

Автор — публицист

Отписки из подполья

Ольга АНДРЕЕВА

БАРЫШНЯ 14 лет ехала на поезде из Мурманска в Самару, чтобы провести месяц в детском лагере. Летние каникулы в разгаре. Солнце, друзья — самое милое дело для восьмилетки. Только до отдыха она не добралась: по дороге с севера на юг украла золотые кошельки у сопровождающей воспитательницы и была поймана с поличным.

Когда осмотрили вещи, оказалось, что чемодан ребенка набит бутылками водки. Там же обнаружилась ирядная доза амфетаминов. Девочка острожно объяснила и то, и другое. Спиртное предназначалось для ее дня рождения, потому что «какой же праздник без выпивки», а вот амфетамины и вообще попали к ней случайно.

Скромное и короткое сообщение, промелькнувшее в СМИ, мало кого взволновало. А меня не покидало чувство, что сухая информация выглядит как тот рабочий, который пришел делать ремонт в старом доме, сняв расхопшиеся половицы и обнаружил под ними живую. Иную, странную. Что-то есть под полом. Оно вызывает интерес, отвращение, жалость. И — главное — мучительный вопрос — что же делать? Для начала — с девочкой.

Линейная полиция свой метод уже предложила: пугалицу в сопровождении сотрудников органов отправят обратно в Мурманск, там поставят на учет, а маму покурят. Кроме того, сообщат в школу о неподобающем поведении. На том все и завершится. Разумеется, с подростком проведут профилактическую беседу, но, честно сказать, я не видела ни одного случая, когда кто-то исправлялся после нравоучительного разговора.

Вряд ли чудо случится в этот раз. Героиня уйдет в свое подполье и уснот только одно — страннее они какие-то, эти люди, надо бы поменьше с ними связываться. Не стоить попадаться. Случись так, что колес она бы не украла, — спо-

нечно, синтетических наркотиков не знал, но механизм падения представлял превосходно.

Что делать? Пока общественный ответ прост: быстро забыть. Не заслуживает история того, чтобы мы отламывали доски и светили фонариком. Что-то там копошится, ну и ладно. Мы расскажем о победах. Те же слова услышал и Достоевский: мол, непонятный какой-то герой — он и не за революционных демократов, и не страдающий «маленький человек», и к царизму равнодушен, и что прикажете-с?

Приказал Федор Михайлович следующее. Светить в подполье, спускаться вниз, писать оттуда «Записки», а не «отписки», какие предлагает нам современная культура, хорошо знающая таких девочек и не умеющая ничего с ними сделать. Она сама пока, конечно, не видит в себе человека и не обладает тем уровнем рефлексии, что герой поесте 1864-го года, но, пожалуй, стоит дать ей гонос. Ровный. Спокойный. Нулевой. Нет нужды реализаторствовать, не стоит прятать девицу в чулан, нельзя ею восхищаться и делать вид, что «такова уж норма».

Достоевского часто (и в основном ошибочно) обвиняют в надрыве, но «Записки из подполья» очень спокойны, рассудительны и неизбежно попадают в цель. Писатель сделал точный ход, позволивший ему позже выйти — в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» — на национальный уровень обобщения. Он сел и сказал: «Я слушаю тебя. Говори!»

Полагаю, во-первых, героине есть что рассказать, во-вторых, это повествование многих бы удивило (кого-то скудоустойчивости, кого-то — простотой и неприглядностью тотального бытия). В-третьих, делать нечего, пришлось бы признать: с этим подпольем нужно что-то делать.

Федор Михайлович Достоевский первым открыл этого особенного человека, охарактеризовав его коротко — «из подполья»: таково было определяющее свойство героя небольшой повести, изданной в 1864 году и наделавшей немало шума. Персонаж признавался — перед всем миром — сразу в нескольких неприглядных вещах, постулируя главное: тотальный имморализм, полное отсутствие эмпатии, бесконечное самоуопение, пусть и низостью.

Автор справедливо полагал, что до «подпольного человека» не дотянутся ни жандарм, ни священник, ни либерал, ни консерватор: герой посмотрит на них, как на странных болтунов. Но и оставить его в одиночестве нельзя. Художник обязан вытаскать на свет, показать и эту форму жизни: примитивно устроенную, плохо поддающуюся посулам, угрозам, уговорам и проповедям, но все же имеющую к статусе самое прямое отношение. Показателен и мотив бесчестия, списанный барышней прямо с Федора Михайловича, который, ко-

Автор — журналист

Чарли Гард и двойные стандарты

Владимир ХОМЯКОВ

ВАНГЛИИ родители смертельно больного младенца Чарли Гарда, отчаявшись его вылечить, разрешили врачам отключить ребенка от систем жизнеобеспечения. Произошло это после того, как английские врачи признали нецелесообразной отправку ребенка в США, где ему обещали попытаться помочь. Эта новость мгновенно облетела СМИ и почти сразу «ушла с радаров», утонув в море других сообщений.

Нет, я не собираюсь рассуждать о том, правильно ли поступили родители и врачи. Или о том, что более гуманно: прекратить жизнь маленького человека или обречь его на годы существования на больничной койке. Не станем вдаваться и в прения о том, насколько все это соответствует британским законам, а также разнообразным конвенциям и соглашениям о правах человека. Чарли это все равно не вернет. Его можно было спасти, родители боролись, выдерживая судебную тяжбу, — до тех пор, пока не стало уже слишком поздно.

Я о другом — о реакции на событие так называемой международной общественности и наших залатоустов от либерального лагеря. А точнее — о том, какой бы она была, случись нечто подобное в нашей стране. Крика хватало бы на неделю. Вы только представьте: больной ребенок (!) погиб (!) потому, что его не отпустили (!) на лечение в США (!). Нет сомнений, все без исключения западные СМИ и их российские медиаподражатели синхронно выжидали бы слезу по поводу малолетней «жертвы режима». Это был бы «прямой эфир» от кровати умирающего ребенка, и рефреном звучало бы злорадное: «Смотрите, смотрите, не выпускают!»

В случае с Чарли, который был болезнью неизлечимым генетическим заболеванием, синдромом истощения митохондриальной ДНК, Европейский суд по правам человека принял решение о необходимости отключения ребенка от аппаратов искусственного дыхания и жизнеобеспечения. Точка. Уж если Европейский суд сказал, против такого лома нет приема.

Латинский принцип Quod licet Iovi, non licet bovi («Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку») в отношении всего, связанного с Россией, воспринимается

итого разом и отовсюду приходящая откровенная дезинформация воспринимается истиной, «о которой знают все». Это позволяет дирижирующему процессом незримо по Большому Брату формировать совершенно целостную «картину мира», и уже в соответствии с ней осмысливаются все прочие поступающие сведения. В этой картине Россия занимает место голливудского злодея, творящего вокруг себя несчастья просто потому, что он иначе не может.

Упал «Бонинг» на Украине? Ясное дело — Россия виновата! И неважно, что Порошенко заявил об этом уже спустя пятнадцать минут после катастрофы, когда и знать-то ничего толком не мог. Неважно, что куда-то таинственным образом исчезли украинские диспетчеры, выводящие самолет на «точку стрельбы», и записи их переговоров. Неважно, что у ополчения физически не было средств ПВО, чтобы сбить объект на такой высоте, а у Украины они имелись. Для западного обывателя не подлежит сомнению, что причастна Россия: во-первых, все «свободные» СМИ синхронно это повторяют, во-вторых — а кто же еще? Ту же технологию промывания мозгов в свое время блестяще применили в Киеве. Борьба за власть давно превратилась в современном мире в сражение за умы, а возможность корректировать реальность в общественном сознании через искажение контента — в его главное оружие.

Раз так, то уже завтра при сочетании укорожившихся двойных стандартов с мощью СМИ любой самый невероятный бред про Россию вполне может стать для мировой общественности непререкаемой истиной. А здесь уже есть кому подхватить волну. Так что настоящая проблема — не в них, а в нас: в нашем с вами доверии к своим говорунам, любящим повторять то, что соответствует западному мейнстриму.

Который уже завтра поутру вполне может измениться, и тогда нам заявят, что никакого Чарли Гарда не существовало вовсе. Причем это тоже станут повторять и считать за «всем известную истину». Но мы-то с вами знаем, что на самом деле мальчик был...

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

Взносы и падения

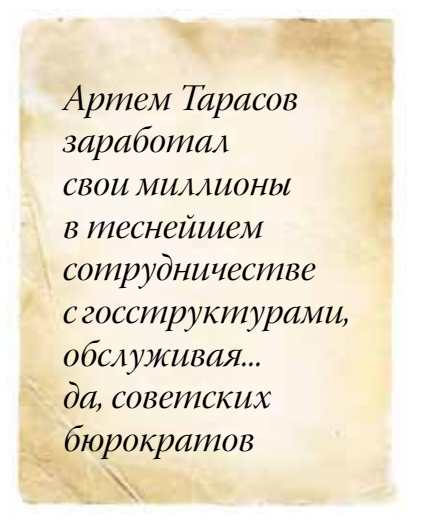
Владимир МАМОНТОВ

ВГОДЫ перестройки и укороения некоторым удавалось сколотить состояние, кое-что выпрыгнул из окна, большинство растеряно бедовало-выжидало, меньшинство пробовало на вкус «Курвуазье». Помню, в начале девяностых пришли мы с одним теперь главным редактором важной газеты в первый частный ресторан столицы — он назывался «Московские зори» и располагался в Козихинском переулке — пропить со вкусом свой укорошенный, я бы сказал, кооперативный, гонорар. Это нам блистательно удалось, что могут подтвердить участники летучки, поныне благополучно работающие по всем московским СМИ: после застолья мы имели наглость притащиться в редакцию. И даже выступить с, как нам казалось, яркими перестроечными речами. А что? Свобода!

Тогда произошло несколько реперных событий, без которых невозможно представить всей картины. Алан Чумак зарядил воду. Людмила Иванова на знаменитом телемосте сказала, что в СССР секса нет, — а финал фразы «я нас есть любовь» заглушил обоюдный российско-американский хохот. Нина Андреева «не могла поступиться принципами» — и, кстати, верна той статье до сих пор. Режиссер, коммунист Марк Захаров театрально сжег свой партбилет в прямом эфире программы «Взгляд». А предприниматель, глава кооператива «Техника» Артем Тарасов и его заместитель, напротив, уплатили все налоги и даже партийные взносы (последний являлся коммунистом) с жалованья. Зарплата у них была по три миллиона рублей. В окошечко партбилета с трудом влезла поражающая воображение сумма взноса: 90 тысяч. Три процента. Девять автомобиль «Волга».

Сейчас это называется «вынос мозга». Тогдашним людям, совершавшим, как принято говорить, «транзит» из СССР в неизвестное, приходилось нелегко. Работая в газете, к примеру, я однажды получил премию газовым пистолетом. Оружейный завод рассчитался с рекламщиками бартером.

Самая возможность ситуации, при которой в Москве придется отбиваться от нападения с оружием, у советского человека не укладывалась в голове. Но на улицах-то уже гремели не игрушечные выстрелы! Иногда даже из танков! По Верховному Совету! Как-то ночью я вышел из дому, оглядевшись — никого. Достал пистолет. И пальнул в воздух. Ветерок донес едкий запах. Хотя так и не научился носить пистолет с собой, но притащившись в редакцию, вороненый, он лежал на полке в прихожей. Я «мог себе это позволить».

Артем Тарасов заработал свои миллионы в теснейшем сотрудничестве с госструктурами, обслуживая... да, советских бюрократов

Видите ли, граждане, не заставшие кооперативных кафе, крысы на Тверской, разоблачительного беснования в «Огоньке», бойкого лозунга «разрешено все, что не запрещено эфире программы «Взгляд». А предприниматель, глава кооператива «Техника» Артем Тарасов и его заместитель, напротив, уплатили все налоги и даже партийные взносы (последний являлся коммунистом) с жалованья. Зарплата у них была по три миллиона рублей. В окошечко партбилета с трудом влезла поражающая воображение сумма взноса: 90 тысяч. Три процента. Девять автомобиль «Волга».

Сейчас это называется «вынос мозга». Тогдашним людям, совершавшим, как принято говорить, «транзит» из СССР в неизвестное, приходилось нелегко. Работая в газете, к примеру, я однажды получил премию газовым пистолетом. Оружейный завод рассчитался с рекламщиками бартером.

ветских бюрократов. Те, впрочем, уже не сидели в наркуванниках над счетами: были компьютеры, ксероксы и факсы, которые надо было обновлять, ремонтировать — и это оказалось золотой жилой! Предприниматель формально не нарушал закона, устанавливая себе гигантскую зарплату, потому как хозяин-барин, «что не запрещено — то разрешено». Но, разумеется, лукавил, когда уверял вместе с прогрессивными журналистами «Взгляда», раскрутившими его историю, что все заработал легально: если бы он залплатил все причитающиеся налоги своему кормильцу-государству, личный доход бы упал в разы. Именно трюк с выводом денег на гигантскую зарплату руководителю позволяла минимизировать расходы.

А дальше то был вопрос его совестью — пропить шальные деньги в «Московских зорях», раздать бедным, найти способ реинвестировать в свое производство... Теперь, конечно, вольницы поубавились, а в Англии, куда Тарасов уехал, опасаясь тюрьмы, и подавно. Что интересно: тут же начала закатываться карьера «первого легального миллионера».

И сколько он ни пытался позже, покинув Лондон, повторить тот взлет, как ни пробовал конвертировать известность в политику, ничего значительного больше не сделал, на днях умер как-то странно, не бедняком, конечно, но одиночным человеком в своей московской квартире.

Для таких, как Тарасов, исчезла питательная среда. Перестроечная эйфория ушла. Вода Чумака разрядилась. «Огонек» пригас. «Московские зори» закрылись — даже дом тот снесен. Осталось вспоминать: цены в «Зорях» были огульные, как канонада у Белого дома, еда вкусная — а главное, мы были молоды и «могли себе это позволить». Вчера еще не могли, а сегодня — пожалуйсти. Дымок гриля шкелотал ноздри и вызвал в памяти формулировку «угар НЭПа».

Вспоминать об этом странно, щемище, весело и совестно — как и о том времени в целом.

Автор — журналист

ФОТО ПЛЕНА АНТОСОВ

С Любимовым не расставайтесь

Елена ФЕДОРЕНКО

Премьерой спектакля «Старик и море» по повести Эрнеста Хемингуэя завершился XIII Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова, отметивший четвертьвековой юбилей. Летняя программа собрала немало мастеров — Москва увидела лучшие постановки мира.

«Старик и море» объединил трех художников — режиссера Анатолия Васильева, композитора Владимира Мартынова, актрису Аллу Демидову. Он посвящен 100-летию со дня рождения Юрия Любимова, с которым у каждого из авторского коллектива складывались свои отношения. Мартынов сочинил удивительную, почти сакральную музыку для любимовских спектаклей. Демидова — актриса-аристократка — отдала Таганке более трех блистательных творческих десятилетий. Васильев оказался в театре в начале 1980-х, когда тот собрал вокруг себя молодых режиссеров. Райхельгауз, Вилькин, Кучер, Погребничко, Арцибашев — работы хватало всем. В репертуар Малой сцены быстро вошли васильевские постановки: первый вариант «Вассы Железновой» и «Серсо», театралы со стажем помнят их невывысленный успех.

Один из героев другой знаменитой работы Васильева, «Взрослая дочь молодого человека», вышедшей ранее и на иной сцене, признавался, что ничего лучше Хемингуэя не читал. Хэм

бы кумиром советской интеллигенции. Острый взгляд смелых глаз, борода с ранней сединой. Участник военных действий, борец за свободу, любитель женщин. Жесткая проза, мужественные герои. Они увлекали и звали на подвиги. Премьера прошла на сцене Театра имени Вахтангова, где начинал Любимов как актер и где после трагического разрыва с Таганкой сочинил свой последний драматический спектакль «Беснь». Поставил его как «концертное исполнение романа» — с уважением к слову, длинными «цитатами», подаваемыми размеренно и спокойно. Такое же внимание к тексту — в «Старике и море».

Сюжет повести можно пересказать двумя предложениями. Кубинскому рыбаку удается поймать огромного марлина — такая добыча не выпадала за всю его жизнь. В «корриде» с гигантской рыбиной победил человек, но стая акул выудила его на отчаянную схватку и оставила от трофея одни кости. Ясно, что речь не о конкретном бытовом случае. В притче показана настоящая жизнь, где сильные люди идут в сражение, отстаивают свое дело, принимают вызовы судьбы, не пасуют перед опасностями, знают цену человеческому достоинству и смиренному послушанию. Рассказ о верной дружбе, что связала старика с мальчиком, о божественной красоте родной земли, далеких звезд, величественного океана, чистого воздуха, пения птиц. О том, что удача — гостья редкая и непостоянная. В общем, философская история, казалось бы, совсем не подходит для сцены. А потому режиссер пред-

остерегает: не воспринимайте увиденное как обычный спектакль. Это — поклон, приношение учителю. Открытая читка с элементами перформанса. Лукавит. Получился бенефис замечательной актрисы.

На подмостках — за столом Алла Демидова в широких черных брюках, пиджаке и мужских ботинках. В руках актрисы — напечатанная на стандартных листах А4 повесть. Вокруг — голубое пространство: морские волны слились с небесными далами. Иногда она слегка меняет позу, взмахивает руками, обозначая ласточку или черепашку, и читает, читает рукопись, то наизусть, то заглядывая в текст. Не перевоплощается и не играет роли. Только голос густеет, когда говорит старик, расцветается звонкими и чуть капризными интонациями, когда отвечает мальчик. Весь основной «повествовательный» массив произносит просто и глубоко — как будто перед ней Писание: «Господи, помоги мне выдержать! Я прочту сто раз «Отче наш» и сто раз «Богородицу». Только не сейчас. Сейчас не могу... у старика перед глазами прыгали черные пятна, соленый пот заливал и жег глаза, жег рану над глазом и другую рану — на лбу... Старика одолела слабость и дурнота; он почти ничего не видел». Актриса произносит слова с такой внутренней силой, что цепенеешь и вжимаешься в кресло, переживая многодневную честную схватку двух благородных бойцов: изможденного усилиями старика и испойанской рыбы с фиолетовыми полосами на спине.

В «Добром человеке из Сезуана» Любимова звучала такая фраза: «Раз летчик не летает, значит, он — мертвый летчик». Старик Васильева и Демидовой хочет быть живым рыбаком. Он верит, что давно покинувшее его везение вернется. Пускай родители мальчика запретили сыну ходить в море с неудачником, он — прорвется. И доказать это нужно прежде всего самому себе. Лирический театр одного актера — сценическая модель первой половины спектакля. Действительно, похоже на читку (и временами от нее устаешь) или открытую репетицию. Такой формат Любимов уважал: актеры — на сцене, а в зрительный зал может заглянуть любой, кто оказался в театре, если ему интересно.

Когда победа одержана и старик признается: «Я старый человек, и я очень устал, но я все-таки убил эту рыбу, которая мне дороже брата», а затем призывает марлина к корме и к сиденью, «будто он прицепил лодку к борту большого корабля», то спектакль резко меняет курс. Апофеоз минимализма сменяется театральным космосом. Яркими лучами вспыхивают ряды расположенных вдоль рамп софитов, цитирующих знаменитый таганковский световой занавес, придуманный Давидом Боровским и Юрием Любимовым. Актриса замирает с гарпуном в руках. Волосы ее напоминают шлем с открытым забралом, лицо застывает, как маска. На запах крови к лодке подплывает стая акул. Рассказ о яростной неравной борьбе старика и хищников звучит в записи. Грозно, отрывисто, паузы делают его лапидарным и рваным, как удары ножа. Образ происходящего поддерживает трагически неистовая музыка Мартынова. Все выражают звуки: и нервные атаки, и смертельную усталость, и всплески воды, и чьи-то далекие голоса... Сцена вздымается острыми акулиными плавниками и искрит брызгами.

В спектакле есть непостижимо прекрасные фрагменты. Из оркестровой ямы поднимается металлический каркас, обтянутый белым полотнищем, — сказочную рыбу «вытягивает» подъемный механизм, которым управляет рабочий сцены. Или, когда старик сядет лавы, то болтушка игрушка, звеня бубенчиками, кокетливо сгибает лапы в кедах, забавно вытягивает шею, всматриваясь в зрительный зал, и медленно, в каком-то ритуальном танце проходит из кулисы в кулису. Рифмуются смыслом: в упрямом и смелом старике Хемингуэя виде себя, а не абстрактного персонажа. Умный спектакль шире одной судьбы, он навеивает мысли о том, как достойно пройти по дороге жизни и сохранить до последних границ созданный художественный мир. Когда-нибудь другой мальчик превратится в старика и возьмет к себе в лодку юного помощника. Возможно, оба станут участниками Международного турнира по ловле марлинов имени Эрнеста Хемингуэя, который проходит на Кубе и сегодня. Или создадут новый театр, и тот овладеет умами поколения, как случилось в середине прошлого столетия с любимо-вой Таганкой.

Следующие показы «Старика и моря» состоятся 30 сентября (в день рождения Юрия Любимова) и 1 октября, в сопровождении ансамбля Opus Posth Татьяны Гринденко.

Блондинка за бутром

Алексей КОЛЕНСКИЙ

Уверенно дебютировал в режиссуре «Джоном Уиком» в 2014-м, Дэвид Литч решил поработать с историческим материалом. На экранах самый интересный экшн лета — шпионский ретробоевик «Взрывная блондинка».

Лондон, ноябрь 1989 года. Приняв ледяную ванну и махнув стакан «Столичной» с пригоршней барбитуратов, помятая блондинка отправляется в штаб МИ6. Руководство британской разведки интересуется подробностями провала последней миссии агента.

По словам Лоррейн Бротон (Шарлиз Терон), приземлившись в Западном Берлине, она угодила в сети советских шпионов. Из западни выручил глава резидентуры Дэвид Персиваль (Джеймс Макэвой), он же посвятил коллегу в детали напряженной оперативной обстановки. На кону — жизнь и судьба перевербованных западных агентов, список которых был передан сотрудником Шгази британскому связному. Вскоре тот был убит русским наемником — прихватив наручные часы покойного со спрятанным компроматом, киллер Юрий Бахтин тоже про-

«Взрывная блондинка». США, 2017
Режиссер: Дэвид Литч
В ролях: Шарлиз Терон, Джеймс Макэвой, Джон Гудман, Эдди Марсан, Билл Скаргард, Тоби Джонс, София Бутелла, Дэниел Бернхардт, Джеймс Фолкнер, Йоханнес Хейнкюр Йоханнссон
18+
В прокате с 27 июля

тянул недолог. Часы исчезли, но восточногерманский ренегат успел зачитать список наизусть и потребовал организовать себе бегство на Запад. Советские разведчики взяли его след и ликвидировали Биллино (Эдди Марсан), а Лор-

рейн спаслась вновь, выяснила имя прикончившего Бахтина «крота», добыла часы с секретом и отчиталась о проделанной работе.

Подобно взрывной блондинке, режиссер Дэвид Литч ведет двойную игру. В лучших традициях жанра он предвещает зрителям ледяную и буйную ипостась Лоррейн — лондонскую рассказчицу и берлинскую оторву, искушенную даму и девочку-подростка. Первая владеет ситуацией, вторая суетится, упускает инициативу, терпит провал за провалом, списывая неудачи на Персиваля. А впрочем, предателей здесь достаточно, вице-

подозрений остается лишь сапог-отверженная шпионка... О том, на кого она работает, мы узнаем лишь в эпилоге.

Имена изменников, из-за которых разгорается сыр-бор, — формальная наживка, хичкоковский «макгаффин», не стоящий выеденного яйца... Хотя, чтобы оправдаться перед начальством, Лоррейн нужно назвать одного-единственного предателя, а девушка «идет в дамки» и достает весь список: чего вы хотите от блондинки? Символично, что описываемые события разворачиваются в последние дни «холодной войны». Ведь на деле речь идет не о подмоченных репутациях двойных агентов, но о том, кто приберет к рукам единственную Европу, учрежденную 9 ноября 1989-го на обломках Берлинской стены. Фактически она играет роль не фортификации, а кулисы между центрами сил, и далеко не случайно за минувшие годы на ее руинах так и не появилось нечто, достойное упоминания. Лишенные символических координат, взрывная блондинка и ей подобные по большому счету остаются вне игры, поэтому обшарпанные закоулки, безумные панки, мрачные полицаи и шпионские страсти смотрятся последним привеском утраченного исторического времени.

Бывший каскадер Литч наполняет этот сентиментальный балаган хореографией потасовок, выходящих куда не посредственнее и витальнее, чем балетные па джентльмена Мэттью Вона («Kingsman: Секретная служба») или суперменов Гая Ричи («Агенты А.Н.К.Л.»). Режиссер выступает также в амплуа фокусника, подбрасывающего режиссеру Арсеналу бой-бабы может позавидовать и Джеки Чан: кроме холодного оружия и огнестрела, в ее «приданом» фигурируют туфли на шпильках, связки ключей, скотч, удавки, электрическая пилка и не менее пары дюжин предметов мебели и посуды. Не навивает оскомину даже типичное представление о русских: афиши «Сталкера», «Кони привередливые» Высоцкого, аккуратно употребляющая водку шпионка и узнаваемые советские громилы, срисованные в девичий альбом с Пушкина, Толстого, Чехова и оторвавшегося от коллектива Бахтина.

Экранизация комикса «Самый холодный город» получилась сумбурной, но полезной: представьте себе, они до сих пор видят нас именно такими. Это смешно и поучительно: знали бы голливудские режиссеры, сценаристы и идеологи, каковы мы на самом деле.

Фонотека «КУЛЬТУРЫ»

Tchaikovsky Symphony Orchestra
Nikolai Rimsky-Korsakov:
«Scheherazade»
Igor Stravinsky: «Petrushka»
Мелодия

Фирма «Мелодия» предлагает вашему вниманию запись сюиты «Шехеразада» Римского-Корсакова и балета «Петрушка» Стравинского в исполнении Государственного академического большого симфонического оркестра имени П.И. Чайковского. Дирижер — народный артист СССР Владимир Федосеев. Имя этого прославленного коллектива и его художественный руководитель известны во всем мире. Маэстро не первое десятилетие покоряет слушателей своим прочтением симфоний Бетховена и Чайковского, Маллера и Брамса, Брукнера и Шостаковича, Стравинского и Свиридова.

Один из старейших в нашей стране, возникший в 1930-м при Всесоюзном радиокомитете (до 195-го — Большой симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио), БСО всегда был на высоте, им руководили лучшие дирижеры. Но мировую известность оркестр получил именно под началом Владимира Ивановича.

В 2013 году диск с «Весной священной» получил в Милане престижную премию International Classical Music Awards в номинации «Исторические записи». Симфоническая сюита «Шехеразада» вот уже много лет является своеобразной визитной карточкой Большого симфонического — музыканты с триумфальным успехом исполнили ее в Буэнос-Айресе и Сан-Паулу, Риге и Токио, Мидлсборо и Брэдфорде, Тэгу и Будапеште.

Записи были сделаны в период с 2003-го по 2007-й по мотивам концертов в Большом зале Московской консерватории.

3X3, live
Мелодия

Изумительное совпадение: три молодых музыканта представляют фортепианные трио композиторов XX века (Морис Равель, Дмитрий Шостакович, Моисей Вайнберг). Написанные в канун Первой мировой войны произведения Равеля гармонично соседствуют с юношеским «Трио №1» Шостаковича — эту музыку молодой автор сочинил еще в стенах Петроградской консерватории. Традиционно причисляемый к кругу Шостаковича Моисей Вайнберг, бежавший в СССР из захваченной гитлеровцами Польши, не жалов фортепианное трио в конце Великой Отечественной.

Исполнители хорошо известны любителям музыки. Скрипач Айлэн Притчин — лауреат многих международных соревнований (включая Гран-при конкурса имени М. Лонг и Ж. Тибо в Париже и конкурса имени Г. Веняковича в Познани), концертмейстер камерного оркестра «Московия», ассистент кафедры скрипки профессора Э. Грача в Московской консерватории. Александр Бузлов, по мнению The New York Times, «виолончелист истинно русской традиции с великим даром заставлять инструмент петь, завораживая публику своим звуком», обладатель премий многих международных состязаний, постоянный участник престижных фестивалей. Пианист Лукас Генюшас — представитель выдающейся музыкальной династии, лауреат конкурсов имени Ф. Шопена и П. Чайковского.

Помимо традиционного CD, издание доступно в iTunes, Apple Music и других сервисах.

Yuri Martynov, piano
Franz Schubert:
Piano Sonatas Nos 16 & 21
Мелодия

Юрий Мартынов принадлежит к числу наиболее интересных и разносторонних российских музыкантов, его исполнительское искусство соединяет лучшие традиции русской фортепианной и западноевропейской клавишной школы. Артист в совершенстве владеет практически всеми историческими разновидностями клавишных инструментов.

Выпускник Московской консерватории по классам фортепиано, органа, камерного ансамбля, Мартынов проходил стажировку по классам клавесина и basso continuo в Париже. Пианист предпочитает играть музыку на инструменте той эпохи, в которую она была написана, хотя не избегает клавирного репертуара и на современном рояле. Многочисленные записи Мартынова высоко оценены критикой, ведущими музыкальными журналами России и зарубежья.

На дисках представлены две поздние сонаты Франца Шуберта, исполненные Юрием Мартыновым в 2006 году.

Подробности на сайте фирмы «Мелодия» www.melody.su

Приглашение к участию в торгах

Российская Федерация получила заем 7999-RU от МБРР для реализации проекта «Сохранение и использование культурного наследия в России», часть средств займа будет использована на выплаты по контракту CHSW3/NMZKAR-4(g) «Поставка и монтаж экспозиционного оборудования».

Покупатель, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», реализующий в рамках проекта подпроект «Создание экспозиции «Музей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», приглашает правомочных и квалифицированных участников подать запечатанные конкурсные предложения на поставку оборудования.

Торги проводятся по процедурам национальных конкурсных торгов руководства МБРР. Квалификационные требования к участникам указаны в документации для торгов. Документация может быть получена после направления заявки по адресу: СПб, ул. Чапаева, д. 9, лит. А, тел.: (812) 6480-20-4, контактное лицо: Максютенко В.В., maksyutenko@fsp.spb.ru

Предложения должны быть доставлены не позднее 12.00 (мск) 30.08.2017 по адресу: 173007, г. Великий Новгород, Кремль, д. 11, приемная. Опоздавшие предложения будут возвращены невскрытыми. Вскрытие конвертов с предложениями состоится в присутствии участников торгов в 12.10 (мск) 30.08.2017 по адресу подачи предложений.

Мазепа козни продолжает

Александр МАТУСЕВИЧ
Харьков

Национально-государственное строительство на Украине идет своим чередом, методы не меняются. Война с прошлым, переписывание истории, смена белого на черное и наоборот — инструменты плохие, но других не придумали. На культурных фронтах дела еще печальнее. Харьковский театр оперы и балета им. Николая Лысенко под занавес сезона предложил новое прочтение «Мазепы» Чайковского, приурочив показ к 330-летию провозглашения этого противоречивого персонажа гетманом Малороссии.

Задача перед артистами поставлена непростая — прославить трусливого командующего, представив его исключительно положительным героем. Премьера прошла в рамках городского проекта, посвященного Мазепе, а на спектаклях собирали деньги на установку памятника.

Правда, с выбором средства по обелению «предателя и лицемера» сильно просчитались. И у Пушкина, и у Чайковского гетман показан личностью крайне малопривлекательной: коварный, жестокий, властолюбивый клятвопреступник. За исключением вставной арии «О, Мария!», добавленной Петром Ильичом по просьбе ведущего баритона императорской сцены Богомира Корсова (где чувствуется некий

романтический флер и подобие благородства), музыкальные характеристики, данные композитором титульному герою, не позволяют ни на минуту усомниться, на чьей стороне авторские симпатии. Воистину надо быть глухим, чтобы услышать в этой опере хотя бы намек на оправдание Мазепы.

По-хорошему, для сегодняшних целей украинского агитпропа нужно было создать принципиально новое произведение, потому как партитуру Чайковского с ее идеально выстроенной драматургией под нужный власти контекст не подверстаешь. Но ведь это целое дело, и

будет ли от него прок — большой вопрос. Украинских опер вообще-то немного, перешагнувших границы республики и имеющих международный резонанс — нет совсем. А тут — Чайковский, имя, гарантирующее поаный зал: не беда, что композитор русский и пригретый проклинаемым ныне домом Романовых. Про второе можно умолчать, а первое — исказить: ведь поменяли же национальную идентичность целому народу Малороссии, так что и Чайковский сойдет за этнического украинца Петро Чайку.

Партитуру переформатировали и кастрировали. Третий акт

показался постановщикам лишним, как и великая симфоническая картина — музыкальная кульминация опуса — «Полтавский бой», суперхит «Коханьбелая Мария», бравурная ария меццо-сопрано Андрея, драматическая развязка трагедии (позорное бегство Мазепы и Орлика). Все это, по меткому выражению Троцкого, отправлено «в сорную корзину истории». Опера завершается сценой казни Кочубея. Таким образом, и логически, и драматургически произведение оказывается перекошенным, не имеющим ни вершины, ни финала, обрывающимся буквально на полуслове. Зато «Мазепу» обрамляет «любимая песня Степана Бандеры» «Чорна рилля ізорана» («Черная пашня изоранная»), а в последнем эпизоде на экране в глубине сцены показывают фотографии военных, участвовавших в так называемой АТО.

Если оставить за скобками все это, с позволения сказать, новаторство, то от постановки Армена Каояна веет глумливым провинциализмом. Побы артистов картинны, мизансцены тривиальны и предсказуемы. Этнографический лубок (художник

Надежда Швец) с вышиванками, венками, шароварами и красными сапожками эстетически застрял в дремучем прошлом, когда режиссуре и сценографии приходилось дотошно иллюстрировать либретто. Более того, в то время как весь мир уже давно исполняет произведения на языке оригинала, в тотальном русскоязычном Харькове русскую оперу дают в сомнительном украинском переводе, а иные фрагменты (например, знаменитую арию Кочубея «Три клада») и текст с заново написанным текстом. Интересно, почему до сих пор в Ирландии никому в голову не пришло петь Бриттена на фактически никем не используемом, но идеологически корректном ирландском? Да и «Аиду» давно пора «перепереть» на коптский, а «Мадам Баттерфляй» — на японский.

Разглядеть за самостийной развесистой клюквой музыкальные достоинства исполнителей весьма затруднительно, хотя стоит признать: Украина по-прежнему богата вокалистами. Убедителен хотя и не драматический, но весомый баритон Александра Лапина (Мазепа), звучно резковатое, но яркое сопрано Аллы Мишаковой (Мария). В целом приоритет отдан лирическим голосам, красивым самим по себе, но мало отвечающим задачам партитуры: легковесно, не озвучивая по-настоящему низов, поют Андрей Дадченко (Кочубей) и Наталья Матвеева (Любовь), перебор с характерным звучанием наблюдается у должностующего быть романтическим героем Романа Гордеева (Андрей).

Откуда такая «Нежность»?

31 июля 1967 года на экранах страны появился фильм режиссера Эльёра Ишмухамедова «Нежность». Постановщику едва исполнилось 25 лет, и он только-только завершил учебу во ВГИКе. Полнометражный дебют в одночасье сделал его знаменитым. Автор сценария Одедша Агишев был на три года старше и прославился немногим ранее, когда в прокат вышли «Белые, белые аисты» Али Хамраева.

ИМЕННО с этих картин начался актуальный узбекский кинематограф. Молодые люди, отучившиеся в Москве и пристраившиеся к модному советскому и западному искусству, вернулись в Ташкент для того, чтобы нести в мир идеалы добра и красоты, преодолевая архайку и открывая новые пути. Это не дежурные слова

если бы решилась на традиционный разрыв. У Барбюса дана предельная в своем благородстве литературная версия «любви и верности». Писатель зашифровал в тексте новеллы, а Тимур с нескрытой завистью пересказал завороченной старшекласснице мечту об идеальных отношениях. Ведь у самого Тимура упорно не клеится с Леной (Мария Стерникова). Почему? Потому что она с самого детства влюблена в некоего Андрея. Тот же, в сущности, идеализм. Он появляется в фильме только ребенком, но все время присутствует в качестве того самого идола, которому стоит поклоняться и которого стоит ждать, несмотря ни на что. Андрей внезапно улетел из Ташкента далеко-далеко, теперь шлет Лене письма и, судя по всему, получает от

нее ответные послания. Память о рассказе Барбюса, саркастически интересующийся, жив ли при этом Андрей? Конечно. Более того, судя по всему, никаких препятствий для близости и счастья с Леной у него нет. Тем не менее расстались. И так, идеальная схема знаменитого француза в действительности снижается и корректируется. Треугольник «Тимур — Лена — Андрей» — это второй уровень, иная стадия осмысления отношений: уже не «литература», а реальность, данная нам в ощущениях. Тимур влюблен, ухаживает, делает предложение, но получает отказ. Впоследствии появится следующее объяснение неговорчивости Лены: недуг сердца и нежелание впутывать молодого человека в свои проблемы. Мотив заболевания спекулятивен по своей сути. Именно поэтому он — единственное, что в фильме вызывает сомнение, и я решительно отказываюсь учитывать его, чтобы не ослаблять выдающуюся картину. Как это сделать? Легко. Можно и, настаивая, нужно трактовать физиологию метафорически — как «сердечную болезнь», фатальную зависимость от исчезнувшего Андрея. Пластичная, полная недоговоренностей структура ленты позволяет подобное допущение.

Завершающий уровень определяется центральными персонажами первой и третьей новелл — совсем еще юными Санджаром и Мамурой. Весь фильм — это, в сущности, их внутренний монолог, первая и заведомо неудачная попытка построить отношения: Санджару понравилась более опытная и взрослая Лена, Мамура влюбилась в Тимура, с которым у нее тоже нет никаких шансов. Впрочем, речь не столько о реальной надежде на взаимность, сколько о некоем ученичестве: младшие не знают, с какой стороны подойти и насколько приблизиться к любовному объекту, поэтому бессознательно выбирают образец для подражания.

Санджар своего рода двойник Тимура, а Мамура — версия Лены.

Литературные клише предписывают возвышенности быт, уклад и пейзаж, но подлинный контакт обнаруживает несостоятельность подхода, и в зоре между пышной романтикой и сдержанной повседневностью оказываются в конечном счете Санджар и Мамура, которые закономерно пересекаются в финальной сцене на карнавале, улыбаясь. Слово два ученика друг друга опознали.

Что говорить, структурная пирамида, выстроенная Агишевым и Ишмухамедовым, хороша, а симметрия образов показательна. Три пары персонажей — вымышленная книжная, взрослая и подростковая — плюс загадочный Андрей, чей образ однажды примерит на себя отчаявшийся Санджар. И вся эта удивительная механика судеб утоплена в загадочные для человека со Среднерусской возвышенности быт, уклад и пейзаж. Отбито, что Санджар работает на металлургическом комбинате, а Тимур — инженером в КБ, но при этом все действие фильма развивается в пространстве досуга, как это было принято, допустим, у итальянских буржуа в картинах Антониони: им авторы «Нежности» явно очарованы.

Поразительно, но переизбыток праздности, равно как и отсылающий к Феллини финальный карнавал, не раздражает, а интригует. Ишмухамедов и Агишев столь умело работают со временем и пространством, что вещный мир у них очень быстро становится декорацией для насыщенной внутренней жизни героев, а любовные отношения начинают обозначать психику как таковую. Тарковский добивался сновидческого эффекта,

последовательно очищая кадр от примет быта и повседневной суеты, а здесь практически то же самое состояние достигается на материале улицы, флирта, внешне инфантильной игры.

Мальчики, в рапиде ныряющие с моста, а потом стремительно проносящиеся по реке на гигантских надувных камерах; странный среднеазиатский город; лаконичные, но емкие отсылки к военному времени; цепочка парней и девушек, в странном хороводе пробегающая по известковому гробу, а потом разбредаясь, сливающаяся с окружающей средой — однажды увиденные, эти кадры никогда не изгладятся из памяти. Оператор Дильшат Фатуллин умело варьирует стемочные приемы. Сти-

лизация хаоса идет картине только на пользу — будто бы случайные эпизоды на деле скреплены прочным структурным каркасом.

Если разобратся, «Нежность» — фильм про общение, о контакте, который всегда происходит не так, как мы себе воображаем, просто потому, что любой живой человек выламывается из рамок, предписываемых ему нашим умом и опытом. В картине есть показанный эпизод: Тимур с завязанными глазами пытается поймать Лену или хотя бы определить ее местонахождение на небольшом пятачке террасы, но ему это не удается. Она неуловима.

Казалось бы, метафора так себе, банальная и буквальная, однако в этой лен-

Проверено ВРЕМЕНЕМ

те никакое человеческое проявление не дешево. Две странные школьницы, которые в ночи бросаются спасать обронившего случайного реплику о нежелании жить Санджара, — тоже неизбежны и штучны, беззащитны и загадочны одновременно. Это кино работает с некими первичными категориями, существующими как бы до разумности, до интеллигентности, до расчетливости. Люди контактируют главным образом бессознательно. Вот почему речи тут сбивчивы и непоследовательны, а глубинная логика сюжета безупречна и универсальна.

В 60–70-е годы минувшего столетия страны так называемого «третьего мира», видевшие в Советском Союзе образец для подражания, привозили на Московский и Ташкентский кинофестивали свои незамысловатые картины, которые здешняя столичная интеллигенция, не умевшая и не желавшая смотреть самостоятельно, заводило презирали. Редкие исключения, конечно же, были, так замечательный критик Александр Асаркан с регулярностью восхищался скромными бытовыми зарисовками иранца Аббаса Киаростами, чьи премьеры происходили исключительно на наших форумах.

В 80-е СССР окончательно отвернулись от самостоятельных, но бедноватых иранцев, и от собственного внутреннего подражательства. Брошенный, преданный Киаростами, равно как и его товарищи, был подобран пронизательными французскими, которые тоже увидели в «бедных» лентах невероятный потенциал. Потом Аббас выиграл все «золото» мира, а его последователи и сегодня с пугающей регулярностью получают призы лучших европейских фестивалей и претендуют на «Оскар».

Асаркан писал об одной картине Киаростами примерно следующее: история про туловатых иранских мальчиков, которые озабочены тем, чтобы наперекор социальным тяготам пошить себе приличный костюм, никогда не изгладится из моей памяти, ибо она сделана так, что рассказывает о мироздании в целом.

Плохо понимая себя и мир вокруг рабочих с металлургического завода Санджар, пожалуй, тоже глуп, однако же это не беда. Он живет, знакомится, увлекается, чувствует, страдает и анализирует, а потому — обязательно повзрослеет. К сожалению, наши мастера искусств зачастую предпочитают барахтаться в обманном потоке «догоняющего развития». Между тем гораздо надежнее и продуктивнее начинать с азав, с базовых категорий, рассматривая их так, словно никаких произведений об этом никогда не существовало. «Нежность» была создана подобным образом, отчего ее обаяние неистребимо, а художественный метод, пожалуй, еще будет взят на вооружение нашими новыми умными кинематографистами.

Николай ИРИН

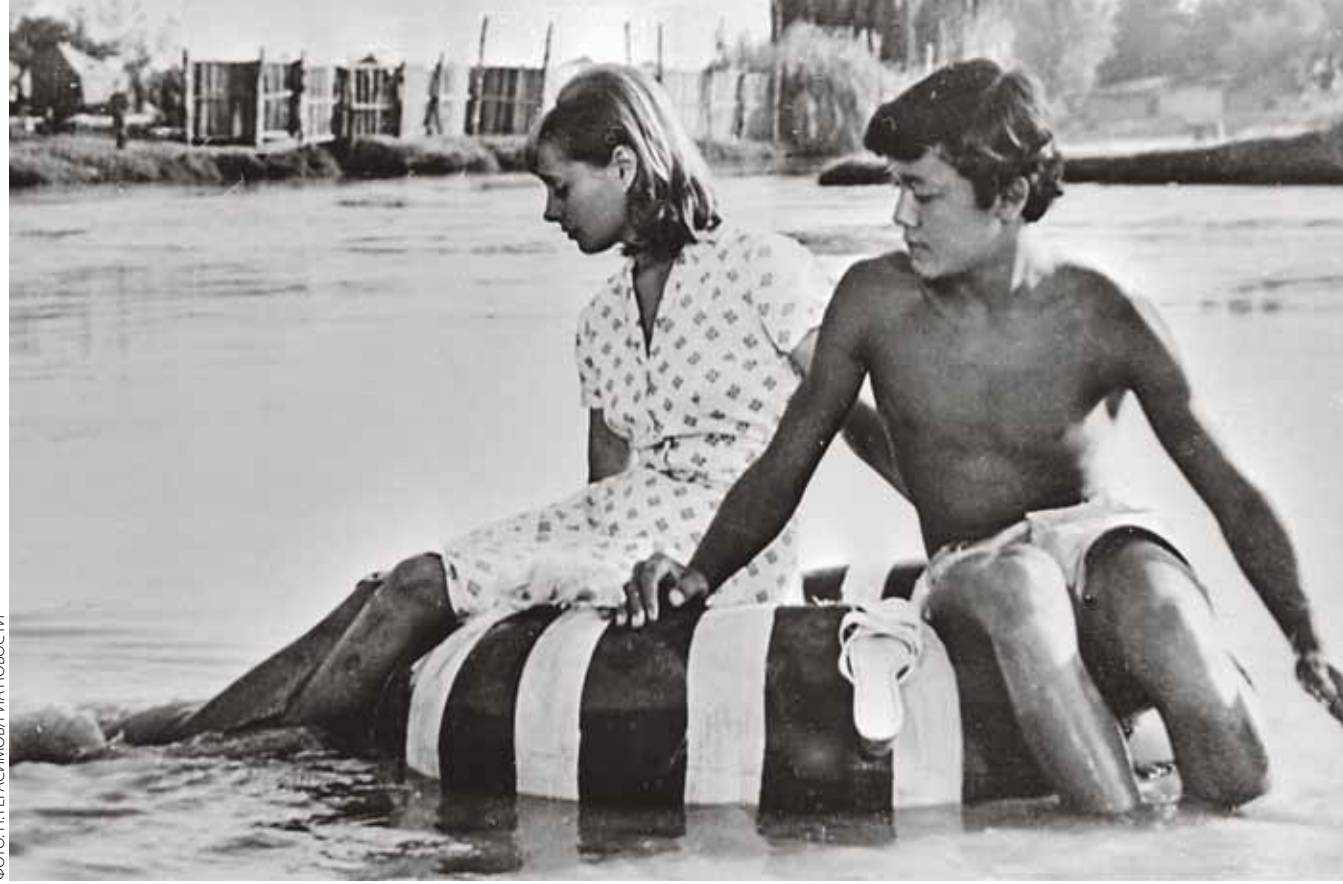

ФОТО: ИЛ ГАРИСИМОВИЧ/РИА НОВОСТИ

Валентина Талызина:

«Настоящий театр всегда держится на любви»

1 культура: Награда стала для Вас неожиданностью?

Талызина: Скорее, приятным сюрпризом. Пару лет назад у меня был юбилей. В России есть хорошая традиция — отмечать круглые даты артистов. Праздник получился замечательный: читала со сцены Мережковского под хор, исполнивший сонату Баха. Звучали поздравления от Никиты Михалкова, Инны Макаровой и других коллег. Пришло множество телеграмм, в том числе и от Владимира Путина. Дочка с внучкой сидели в зале, и в общем-то я осталась всем довольна. Единственное, что меня огорчило, — в Моссовете почти не ставят бенефисных спектаклей. К примеру, в Театре Пушкина к юбилею Веры Алентовой специально выпустили «Апельсины и лимоны». Светлана Немолова в свой день рождения вышла на сцену «Маяковки» в премьерере «Бешеных денег» Островского, а у нас такой традиции почему-то нет. Более того, узнала, что дирекция театра не подавала никаких документов на присвоение мне награды. Так что новость об ордене прозвучала для меня как гром среди ясного неба. Наверное, наверху посчитали, что Талызина все-таки внесла какой-то вклад в развитие отечественного искусства. Как по-другому объяснить — не знаю. Поймите правильно, меня не столько награды интересуют, сколько возможность работать. Я шесть лет не выходила в премьерных спектаклях.

культура: Не может быть, чтобы Вам так долго не давали новых ролей...

Талызина: И тем не менее это так. Неоднократно подходила к нашему художественному руководителю Павлу Хомскому, спрашивала: «Будет ли у меня что-нибудь новое?» Он говорил: «Да-да, непременно». Но Павла Осиповича не стало, а дирекция не торопилась предлагать мне работу. У нас вообще появилась какая-то странная практика. Некоторые артисты — Александр Домогаров, Ольга Остроумова, Владимир Сулимов — годами сидят без дела, а на сцене все больше Чехов от Андрея Кончаловского. Конечно, Антон Павлович отлично продается, почему бы не сделать ставку на него? Но беда в том, что основная труппа вроде как ни при чем.

После того как сорвалось очередное обещание, решила взять дело в свои руки. Перечитала «Вассу Железнову» Горького и поняла, что

Валентина Талызина и Лилия Волкова в спектакле «Свадьба Кречинского». 2011

это абсолютно сегодняшний материал. Про наше общество, человеческую природу, про все силы денег, которые переворачивают, выжигают душу. Пришла к Валентине Панфиловой и сказала: хочу сыграть эту пьесу. Поначалу директор мне отказала, но после продолжительной беседы дала добро, взяв постановку под свою ответственность. Первый раз в жизни отстаивала еще не родившееся произведение.

культура: Когда прошлой осенью не стало Павла Хомского, труппа фактически оказалась без руководителя...

Талызина: Павел Осипович был очень справедливым человеком, мудро вел театр. Понимаю, что от его решений зависят судьбы других людей. У него хватало терпения на все истерики.

культура: Худрука так и не назначили?

Талызина: Было принято решение — сократить вакантную должность художественного руководителя. Департамент культуры Москвы вместе с нашим директором избрал триумvirат: Андрей Кончаловский, Сергей Юрский и Юрий Еремин. Но Кончаловский не театралный режиссер, и это чувствуется. Юрский — прекрасный актер, а вот как режиссер не всегда выпускает удачные спектакли. Еремин — хоть и театралный человек, предпочитает держаться в стороне от других постановщиков. Они ни разу так и не встретились, чтобы обсудить судьбу Театра имени Моссовета. По-моему, им все равно, кто играет, а кто — нет. Каждый живет в своем мире. Естественно, это подкашивает труппу. А еще

Леонид Марков и Валентина Талызина в спектакле «Затейник». 1966

1 Мазяев: Тем не менее преимущество, которое дает образование, причем не только музыкальное, очевидно. Ведь человек, знающий иностранный язык, чувствует себя за границей свободнее и комфортнее, верно? То же самое с музыкой: нотная грамота — как

язык, владение им открывает принципиально новые горизонты. Возьмем, скажем, гитариста Led Zepplin Джими Хендрикса: он начинал обыкновенным исполнителем ритм-энд-блюза. Но по мере развития рок-культуры конкуренция заметно возросла, найти работу стало непросто.

Сергей Мазяев:

«Я получил лучшее, что мог дать СССР»

И пришлось Пейджу (и некоторым наиболее амбициозным его коллегам по цеху) подойти к технической стороне вопроса более серьезно и ответственно, чтобы получить должность сессионного музыканта. А это гарантированный кусок хлеба.

Грамотность еще никому — от извозчика до президента — не мешала. На мой взгляд, образование — ключевой момент развития общества. И в этом смысле роль преподавателя в нашей стране, да и мире в целом, переоценить невозможно: настоящие учителя — святые. Именно они делают из нас тех, кем мы в итоге являемся.

культура: Это бесспорно. И все же разговоры об общем падении уровня не утихают...

Мазяев: Судить достаточно сложно, потому что мир стремительно меняется: приходят новые технологии, создаются суперсовременные средства передачи информации. Однако нельзя не признать: в советский период образование было разноплановым и фундаментальным. Во времена моей юности не существовало ни глобальной паутины, ни гаджетов, источником знаний служили книги, журналы, и мы больше общались друг с другом. Я — представитель самого счастливого поколения в нашей послевоенной истории. Люди, родившиеся в 50–70-е годы, получили лучшее из того, что мог дать СССР.

При этом я далек от мысли, что мы потеряли страну. Ментальность, взаимоотношения между людьми, некоторые культурологические связи остались прежними. Советский Союз развалился по сугубо экономическим причинам — далее так продолжаться просто не могло. Экономика — основа основ в жизни любого общества, без нее завтрашний день немислим.

культура: Сегодня от трудной окружающей действительности, как ни

старайся, не уйдешь. Вы можете себя назвать политически активным артистом? И вообще, должны ли творческие высказывания нести остросоциальный посыл?

Мазяев: Это личное дело каждого. Ответственность за слова лежит на том, кто их произносит. Кстати, если говорить о роке, то его нельзя относить к сугубо политическим явлениям. Он возник на базе социального противостояния поколений, его основа — разрыв между нравственными устоями патриархальных обществ. Но время идет, пропасть постепенно нивелируется, человечество, на мой взгляд, становится более гуманным, как бы спорно данная точка зрения ни прозвучала. Посудите сами. Сегодня убийство — преступление, а еще несколько веков назад подобное считалось в порядке вещей. И музыка, как один из главных индикаторов развития общества, не может не реагировать на происходящие в нем процессы. Она гуманизируется вслед за ним.

Согласен, не все так гладко. Мне, например, очень досадно, что многие действительно талантливые артисты, ученые, те же преподаватели порой не находят себе применения в России и, как следствие, уезжают. Бесконечно жаль. Люди — самое ценное, что у нас есть. Глубоко убежден: вкладываться надо в человека, а не в железо. Если он не удовлетворен, несчастлив, все прочие мнимые достижения социума теряют смысл.

культура: И как же нам достичь счастья?

Мазяев: Каждому надо начать с себя. Подойди к зеркалу и честно ответь на вопрос: кто ты такой и чего от этой жизни хочешь. Если ты верующий, то просто соблюдай заповеди, а если нет — следуй закону сохранения энергии, и обретешь вождельную гармонию.

культура: Давайте поговорим о творчестве. Что предшествовало принятию «Морального кодекса» первого устава?

Мазяев: В 1989 году я вернулся из Америки с непреодолимым желанием создать принципиально новый музыкальный коллектив. Хотелось несколько отойти от стилистики прогрессив-рока группы «Автострада», где я некоторое время выступал, и сделать заметный крен в сторону рок-н-рольного звучания — а-ля The Rolling Stones, INXS и всего в этом духе. Поворотным годом в истории «Морального кодекса» стал 1990-й: тогда придумали название, сыграли первые концерты, записали ряд клипов. С тех пор все и закрутилось.

культура: Работа над новым альбомом в настоящий момент идет? Песни пишутся?

Мазяев: Вы знаете, они пишутся беспрестанно. Но экономического стимула к регулярному выпуску новых пластинок и их раскрутке нет. Когда еще бал правила компакт-диски, все наши записи были уворованы. А сейчас торговля файлами большого дохода не приносит. Схема взаимодействия «артист — звукозаписывающий лейбл — слушатель», по сути, разрушена.

культура: Так ведь и на Западе с этим тоже отнюдь не все благополучно...

Мазяев: А мне все равно, как там у них, главное, чтобы в России было хорошо. Если в моем дворе грязно, какая разница, что происходит в каком-нибудь Амстердаме. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу о новых песнях, схема работы у нас такая: по мере того как рождается свежий материал, мы его записываем, и когда набирается двенадцать-тринадцать композиций, выпускаем альбом.

культура: Известность дает какие-то преимущества?

приглашают так называемых звезд, и Театр Моссовета постепенно превращается в антрепризу. Когда задумываюсь об этом, становится грустно. Неужели у нас так и не появится вновь художественной идеи? Раньше у руля стояли настоящие творцы: Завадский, Хомский. А теперь...

культура: Жизнь меняется, мы видим, что все чаще появляются директорские театры. Может, и вашему коллективу просто нужно время, чтобы найти свой путь в новых реалиях?

Талызина: Станиславский и Немирович-Данченко не уставали повторять, что в театре должна быть душа. Как артиста ни поставь: боком, на голову, раздень догола — открытия не получится. Русский театр славился тем, что поражал зрителя духовным содержанием и глубиной, искусством досконального понимания природы человека. Вот от этого сейчас отходят.

культура: Полагаете, такими темпами мы можем растерять отечественный репертуарный театр?

Талызина: Если продолжим сапожниками топтать, то, конечно, потеряем, но надеюсь, этого не произойдет. Настоящий театр всегда замешивается на увлечении, любви и глубинных идеях. Когда создается студия, как «Современник», то все равны. И, кроме тяги к искусству, ничего нет. Проходят годы, ты понимаешь, что кто-то вырвался вперед. Но, между нами говоря, на сцене это не имеет значения. Зритель смотрит на артиста вне зависимости от его регалий и достижений.

культура: Вы не задумывались, кто бы мог стать художественным руководителем Театра Моссовета и какими качествами он должен обладать?

Талызина: Видите ли, это должен быть человек совестливый, спокойный, способный не тянуть на себя одеяло, позволяющий реализовываться тому или иному режиссеру. Не ставить галочки, мол, за сезон сделано столько-то проходных премьер, как мы это частенько видим в некоторых театрах, а действительно стремиться к высокому осмыслению искусства.

На мой взгляд, возглавить Театр Моссовета с художественной точки зрения мог бы Владимир Сулимов. Он профессор, всю жизнь работал с Коршуновым, выпускник щепкинской школы. Однако не знаю, согласится ли. Да и позволит ли?

Мазяев: Скорее, накардывает определенную ответственность перед зрителем. Ты должен прилично выглядеть, подавать пример достойного поведения. Это идеальная формула, а насколько получается ей следовать, судить не мне. Если же говорить о пресловутой «звездной болезни», то она, как правило, результат издержек недоразвитости, недооценки — или, напротив, переоценки — окружающих обстоятельств.

Нечто подобное наблюдалось когда-то и у меня, но, надеюсь, к сегодняшнему дню прошло. Во многом мне помогли коллеги. Скажем, Игорь Бутман, мы в свое время создавали вместе оркестр. Понимаете, когда приходят люди вдове тебя моложе, но при этом играют на саксофоне в два раза лучше, вся «звездная» шелуха моментально отлетает.

культура: Вы задействованы в нескольких весьма разноплановых музыкальных проектах. Кем себя в большей мере ощущаете?

Мазяев: Конечно, рок-музыкантом. Поскольку наибольшего успеха добился именно как участник «Морального кодекса». Просто я, слава Богу, не забыл о своем классическом образовании. И, поборов определенных демонов (увь, был в моей жизни такой период), после двадцатилетнего перерыва вновь начал упражняться на кларнете. Потом встретил Игоря Федорова, замечательного музыканта, возможно, единственного нашего кларнетиста, концертирующего на регулярной основе. Он начал со мной заниматься, мы даже сделали программу «Классика без кодекса» и сегодня периодически гастролируем с ней как дуэт...

Главное — никогда не опускать руки, не позволять душе лениться, как говорил поэт. И суметь возлюбить себя. Ибо без этого просто невозможно возлюбить ближнего своего.

Долго будет Финляндия сниться

Александр МАТУСЕВИЧ

В Савонлинне продолжается знаменитый Международный оперный фестиваль. Нынешний смотр, проходящий в древней крепости Олавилина (по-русски — святого Олафа, крестителя Скандинавии), посвящен празднованию столетия независимости Суоми.

Основанный в 1912-м звездой русской императорской сцены певицей Айно Акте, фестиваль пережил второе рождение в 1967-м. Начиная с этого времени, форум проводится ежегодно и за полвека своего существования сформировал определенные традиции. Одна из них — приоритет финской музыки. Нынешний год не стал исключением. За первым исполнением произведения Аулиса Саалинена «Замок на воде» в крепости Олавилина последовала премьера оперы «Куллерво». Национальную программу продолжили выступления знаменитого мужского хора «Университетские вокалисты» и детского коллектива «Тапиола». Афишу дополнили «Похищение из серала» Моцарта и «Риголетто» Верди.

На юбилейные торжества съехались и именитые гости. Большой театр привез сразу две оперы Чайковского — «Иоланту» и концертную версию «Евгения Онегина», а Королевский театр Мадрида украсил сцену оперой «Пуританки». По словам артистического директора фестиваля, известного тенора Йорны Силвасти, первоначально вместо испанцев планировалось пригласить шведскую Королевскую оперу. Была идея объединить на площадке форума исторических соперников: Россию, Швецию и Финляндию. «Мы всегда находились на границе скандинавского и славянского миров. На нашей земле шли многолетние войны. Несколько веков страна была под шведами, еще столетие входила в состав Российской империи. Как мне кажется, благодаря нашей борьбе в итоге и родилась независимая Финляндия», — пишет Силвасти. Его концепция осталась нереализованной, тем не менее фестиваль получился достаточно интересным.

Наиболее заметными событиями стали показы «Похищение из серала», «Куллерво» и «Риголетто». Все три постановки отличает разумная режиссура, идущая от музыки и замыслов создателей, а не от поисков надуманных концепций. Опе-

ра Моцарта — изящная фантазия на восточную тему (режиссер Катарина Лахти), где африканские мотивы проходят лишь легким намеком: тени на скалистой замковой стене. Противостояние мусульманского и христианского миров, к счастью, не получает нарочитой, набившей оскомину актуализации: ни ИГИД, ни Каддафи с Асадом — вполне себе условный историзм. В итоге зрителям показали в меру ориентальный и в меру эротичный спектакль.

«Риголетто» британца Дэвида Маквикара в какой-то степени повторяет его знаменитую постановку, осуществленную на сцене «Ковент-Гарден» в 2011 году. Конечно, впрямую отсюда заимствованы лишь костюмы Тани Маккаллин, пространственное решение — совсем иное, учитывая неглубокую, но весьма вытанную сцену в замке. Тем не менее главный посыл спектакля остался прежним, его центральная идея — несвобода, в которой томятся герои опуса. Каждый из них предстает рабом обстоятельств, фобий или собственных желаний. Не случайно основной сценарий послужила клетка, наглядно иллюстрирующая центральную тему. Скупость оформления не мешает явить разнородность мантуанского двора во всей красе. Режиссеру удается не переступить грани пошлости, создав остроактуальное, но не вульгарное полотно.

Самая глубокая работа — «Куллерво» в постановке Кари Хейсканена. Произведение на-

са «Калевала», положена пьеса классика финской литературы эпохи национального романтизма Алексиса Киви. В центре повествования своего рода антигерой, методично разрушающий как собственную жизнь, так и мир окружающих его людей. «История Куллерво, одна из небывшей законченных линий «Калевалы» и самый популярный сюжет в нашем искусстве, — отмечает музыкальный руководитель постановки маэстро Ханну Линту. — Куллерво все делает не так, во всем ошибается и в результате должен броситься в огонь, сгореть в очистительном пламени».

Минималистичные декорации Антти Маттила — каркасы простых сельских домов без всяческих архитектурных излишеств — и богатые и выразительные костюмы Ритты Антонен-Пало в сочетании с контрастным, остро драматичным светом Илкки Палониemi создают тягостную атмосферу предчувствия неизбежной трагедии, духовного опустошения и разрушения. «Это очень по-фински, таков наш характер», — подчеркивает Линту.

Вокальных звезд первой величины на фестивале практически нет. Делается это сознательно: стратегия Савонлинны — привлекать молодежь. В итоге мужиссеру удается не переступить грани пошлости, создав остроактуальное, но не вульгарное полотно.

«Похищение из серала»

писано в конце 1980-х, однако настоящую известность оно получило в 1993 году, прозвучав на открытии нового здания Финской национальной оперы в Хельсинки. С тех пор это самая исполняемая местная музыкальная драма. Что неудивительно: музыка ярка и фактурна, но при этом легко воспринимается любими, даже самым неподготовленным ухом. В основу либретто, помимо фрагмента эпо-

хорошо выученные, но сами голоса неинтересные и неяркие. Берут скорее внешними данными и лихим актерством, как знойный косовский албанец Раме Лахай (Перцог). Похвалы заслуживает только бас Мика Карес. Певчески наиболее благодатна «Куллерво»: харизматичные Вилле Русанен (титлунгер герой) и Йоханна Русанен-Картано (Мать) запоминаются надолго.

«Риголетто»

Дидье ван Ковелер:

«Людям есть чему поучиться у братьев наших меньших»

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

Известный французский писатель, сценарист, режиссер, актер, лауреат Гонкуровской премии Дидье ван Ковелер только что опубликовал «Возвращение Жюль» — сиквел к популярнейшему роману о лабрадоре, который верой и правдой служит человеку. С автором встретился корреспондент «Культуры».

культура: Вы посвятили еще одну книгу Жюлю. В первой герой был поводырем слепой девушки, во второй — помогает больному эпилепсией. У человека по-прежнему нет друга лучше собаки?

Ван Ковелер: Конечно, ведь она беззаветно нам предана. Чувствует настроение, переживает, если не видит признательности. А собаки-поводыри и вообще настоящие ангелы-хранители для своих подопечных. При этом они четко понимают свою роль и ужасно волнуются, когда их миссия подходит к концу. Нам есть чему у них поучиться.

культура: В двухтомном «Словаре невозможного» много места отведено животным. Полагаете, что в чем-то они превосходят людей?

Ван Ковелер: Я восхищен их талантами. Меня, например, потрясает, как собаки предупреждают больного о новом припадке паучей, заставляя его сесть или лечь. Наконец, они способны по запаху обнаруживать взрывчатку, тем самым спасая нас от террористов. Или взять пчел, о которых я написал книгу: они прекрасно ориентируются даже в темном улье, собирают информацию, анализируют ее и только затем принимают решения. На мой взгляд, чтобы получить целостную картину мира, надо смотреть на него одновременно глазами вороны, лислицы, льва и мыши. Люди вообще значительно уступают животным. Человека не зря называют самым жестоким существом на Земле, ибо только мы способны на бессмысленные злодеяния.

культура: Судя по произведениям, Вы фаталист. Жизнь каждого из нас predeterminedena с момента появления на свет?

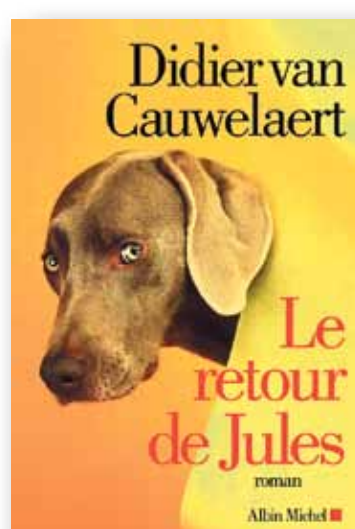
Ван Ковелер: Загода набросан лишь черновик судьбы, предложена некая путеводная нить. Нам, как летчикам, дается план полета, которым пользуемся для навигации, но при этом все зависит от самого человека. С течением времени мы можем менять маршрут, если он оказывается недостаточно амбициозным, или, напротив, когда цели чересчур завышены. Пересмотреть изначальную дорожную карту вынуждают и неожиданные препятствия. Возможности каждого ограничены лишь тем, что мы используем не более пяти процентов своего потенциала, невысоко ставим планку. Многие заведомо представляются недостижимыми. Главный наш враг — тиски самоцензуры. Мешает и материалистический подход к окружающему миру. К примеру, мы полагаем невозможным общение с растениями, с деревьями, которые Ромен Гари называл «нашими старшими неподвижными братьями».

культура: «Запредельная жизнь» написана от лица только что умершего человека. Верите, что смерть — это далеко не финал?

Ван Ковелер: У меня нет в этом ни малейшего сомнения. Мы располагаем различными фактами, свидетельствующими о том, что человеческая жизнь продолжается даже тогда, когда мозг перестает функционировать. Убежден: то, о чем я рассказывал в романе, в дальнейшем найдет научное подтверждение.

Ч тобы получить целостную картину мира, надо смотреть на него глазами вороны, лислицы, льва и мыши

культура: Возможно ли установить связь с потусторонним миром?

Ван Ковелер: Спиритами были известные литераторы — Оноре де Бальзак, Александр Дюма, Конан Дойл и Виктор Гюго. Их воображение раздвигает горизонты познания. Такие люди улавливают информацию и порой даже не отдают себе отчета в том, что превосходят события.

культура: На чем основана эта вера в сверхъестественное?

Ван Ковелер: Просто я никогда не отвергаю того, что на первый взгляд кажется фантастическим или иррациональным. На самом деле, в природе нет ничего сверхъестественного, однако мы зачастую бессильно истолковываем многие явления.

культура: В Вашем окружении есть люди, способные «познать непознаваемое»?

Ван Ковелер: Разумеется. Знаю многих врачей и ученых, наделенных таким даром, необъяснимой силой. Они лечат людей и животных, исцеляют самих себя, подключаются к ноосфере.

культура: Не становится ли человек жертвой прогресса?

Ван Ковелер: Все зависит от того, как пользоваться плодами новейших достижений. Многие действительно червоточат катастрофы, масштабы которой большинство из нас не осознает. Даже смартфон поработает, отравляет мозг, разрушает организм. Кстати, из-за шестидесяти гаджетов мы утратили некоторые способности. К чему раз-

ся). У меня в голове роится множество замыслов, но воплощать их на бумаге чертовски сложно. Писательское ремесло сравнил бы с тренировками спортсмена или репетициями музыканта, разучивающего новые произведения. Я работаю над словом, как столяр. Испытываю гордость не художника, а ремесленника, каким себя считаю.

культура: Процесс сочинительства приносит радость или мучения?

Ван Ковелер: И то, и другое. Переживаю, когда не получается, терзаюсь сомнениями, переписываю и начинаю заново. Однако нет ничего более увлекательного, чем оставаться наедине со своими персонажами. Ощущение, будто попадаешь на необитаемый остров. Как бы то ни было, мои сочинения меня сформировали. Бывает, придумываю историю, которую потом переживаю в реальности.

культура: Не надоела писательская рутина?

Ван Ковелер: Напротив, не хватает времени, чтобы изложить на бумаге все замыслы. Если по разным причинам не могу сесть за книгу, чувствую, что жизнь теряет смысл. Одержимостью порой смахиваю на алкоголика, который тянется к рюмке (смеется). Правда, осенью все-таки придется на время завязать с сочинительством — приступаю к съемкам нового фильма еще не опубликованной книге. Потом вернусь в театр в качестве режиссера.

Помню, как еще юношей поставил известную пьесу Жан-Поля Сартра «За закрытыми дверями». Очень гордился, что мэтр лично поздравил меня с удачей.

культура: Вы получили около полутора десятков премий во главе с Гонкуровской. Пресыщения не наступило?

Ван Ковелер: Для меня каждая новая — занимательная игрушка. Да и было бы неприлично и лицемерно вздыхать: «Ах, еще одна награда». Особенно приятно, когда премии присуждают не литераторы, а читатели. Таких призов у меня несколько, в том числе от лицестов и заключенных.

культура: Как сложился творческий дует с легендарным композитором Мишелем Леграном?

Ван Ковелер: Вместе мы сочинили мюзиклы «Дрейфус» и «Человек, проходящий сквозь стены» по роману Марселя Эме. Мишель обожает выступать в России. Он всегда с большим чувством рассказывает о вашей стране, которую очень любит.

культура: Кстати, у нас изданы более двадцати Ваших книг. Чем объясняете такое внимание?

Ван Ковелер: Прежде всего, историческими традициями. В России испокон веков следили за французской литературой. Взяв хотя бы XIX столетие, когда язык Вольтера и Дидро был для русской элиты практически родным. Думаю, интерес не утрачен и сегодня. Помню, как несколько лет назад в Петербурге на встречу со мной пришла очень много читателей. Возможно, им также нравятся, что о самых серьезных проблемах я говорю с легкостью и юмором.

культура: Литературный интерес всегда был взаимным. Какими русскими писателями оказали на Вас наибольшее влияние?

Ван Ковелер: В 12–13 лет Пушкинская «Пиковая дама» поразила меня переплетением реального и фантастического. В 17 — открыл «Собаке сердце». С тех пор Бугаков — один из моих любимых писателей. Ну и, конечно, Чехов. К сожалению, во Франции его пьесы ставят чересчур серьезно, забывая об авторской иронии и насмешке.

О ГЛАВНОМ

Новые вещи

МАККИНГ & БЕЙ ВЕРКШОП/КАБИНЕТ TENSIBLE, 2010

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства проходит необычная выставка — «New olds. Классика и инновации в дизайне». Пенопластовый шкаф и берестяные табуретки, ковер, собранный как пазл, и стеллаж из старых книг — все это не только художественные забавы, но и серьезная попытка понять, каким окажется интерьер будущего.

Собери себе ковер

Проект, подготовленный Институтом связей с зарубежными странами Ifa, Гёте-Институтом и Московским музеем дизайна, представляет работы западных и отечественных художников. Многие из них молоды, но уже успели заявить о себе. Куратор Фолькер Альбус, профессор из Карлсруэ, считает, что для работ не характерна постмодернистская ирония. Современные мастера, увлеченные футуристическими идеями, не забывают о корнях: в их творениях сочетаются новации и традиции. Один из примеров — восточный ковер, привычный элемент не только советского жилища, но и дома добротного бюргера. В интерпретации Рихарда Хуттена ажурный узор предстает «вытканным» лишь на четверть: его сменяют разноцветные полосы. Зритель наверняка вспомнит подобный эффект, возникающий при неудачной печати на принтере.

Другой автор, Катрин Зонлайтнер, сопоставляет символ мешанского уюту с современным масс-культом: персидский «ковер» сложен из элементов как пазл, что позволяет увеличить или уменьшить его по собственному вкусу. А голландка Венди Пломп учитывает геополитические вызовы: на внутреннюю сторону почтовых коробок наносится восточные орнаменты, и адресат, получивший посылку, может использовать упаковку как коврик для молитвы.

Многоуважаемый шкаф

Выставка обнажает любопытную тенденцию: умами западных дизайнеров снова овладела антибюргерские и некомформистские настроения. Германия, одна из родоначальниц мешанского стиля бидермейер, теперь ориентируется на простоту, лаконичность, функциональность. Однако иронизирование по поводу прошлого чаще всего оказывается вполне беззлобным. Яркий пример — роскошный черный шкаф, созданный Сильвией Кнопфель. На первый взгляд, он воплощает в себе классические черты «гелленкернского барокко», чересчур пышного и вычурного. Дизайнер решила дать старомодной мебели новую жизнь. Ее творение «Дрюккбергер» представляет собой цельный кусок пенопласта: нет ни дверей, ни ящиков, зато прорезаны небольшие отверстия, куда можно

засунуть самое необходимое — зонтик, туфли, украшения, моток ниток, утюг и даже табуретку. Все под рукой и на виду: так «бабушкин гардероб» обретает необычную функциональность. Похожим образом играют с символами домашнего уюту и другие авторы: Себастьян Херкнер вырезает из персидского ковра силуэт шкуры животного — овцы или лисы. А швейцарско-бельгийско-французское трио BIG GAME (Грегуар Жанмоно, Эльрик Пети и Огюстен Скотт де Мартенвилль) создает из листов фанеры голову лося или оленя: гуманное украшение интерьера, не требующее убийства животного.

Когда б вы знали, из какого сора

Ставка на экологичность — одна из главных тенденций дизайна XXI века: причем охрана окружающей среды касается не только братьев наших меньших. Молодые авторы критикуют консьюмеризм современного общества. Отсюда попытки продлить жизнь старым вещам: доказать, что необязательно отправлять их на свалку. Так, немка Кордула Керер творит из пришедших в негодность мусорных корзин и ведер любопытные артефакты: отсутствующие фрагменты заменяет плетением из бамбука или ротанга — получается симпатичный гибрид. Финский дизайнер Йохан Олин обклеивает липкой лентой потрепанные кресла: в итоге обычная мебель

превращается в футуристичный объект. А немец Вернер Айслингер изящно решает проблему надоевших книг. Его стеллаж «смонтирован» из крупноформатных альбомов, посвященных природе, истории, кулинарии. Обычно подобные издания годами пылятся на журнальных столиках. По мысли Айслингера, они могут служить «подставкой» для действительно ценной литературы. В столицу привезли лишь одну секцию стеллажа: в реальности его размеры ограничиваются только площадью квартиры и количеством «материала».

Рай для интроверта предлагает голландская студия «Маккинг & Бей», их урбонмастерская-кабинет — это большой деревянный ящик с окном и дверцами. Авторы отталкивались от сегодняшних

реалий: с развитием цифровых технологий рабочее место может быть где угодно. Главное — возможность уединиться с ноутбуком и чашкой кофе. А дерево — дань моде на натуральные материалы.

Берестяная грамота

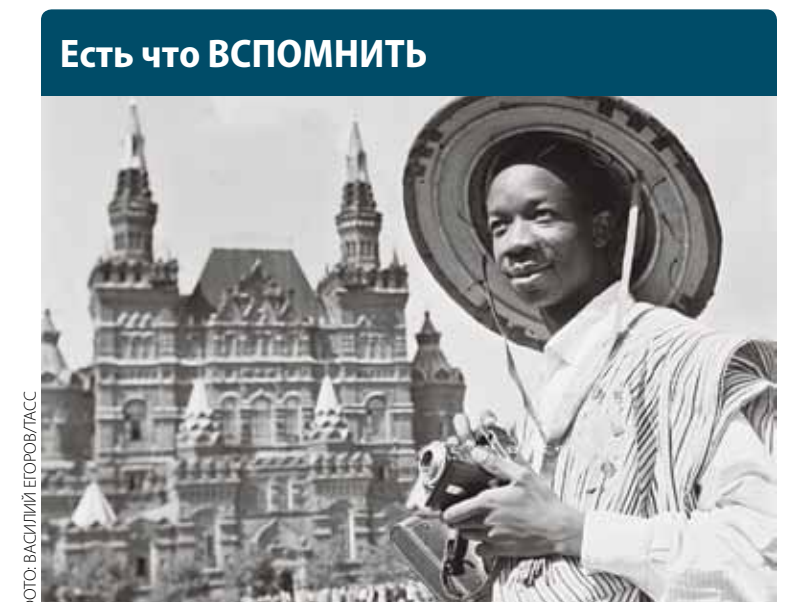
Наших дизайнеров на выставке существенно меньше, однако их работы укладываются в общепринятые тренды. Причем та же экологичность щедро окрашивается национальной тематикой. Скажем, Анастасия Кошечкина создает контейнеры для хранения из бересты — современные туссы. Из того же материала сделаны сиденья у табуретов: ножки при этом привычные, стальные. Еще одна интерпретация традиций — ларцы, придуманные Наталией Костомаровой: «скроенные» по классическим примерам и украшенные керамическими изразцами. А Виталий Жуйков мастерит рамы для зеркал из старых наличников, найденных в заброшенных удмуртских деревнях.

Порой отечественные художники не прочь пошутить. Так, Анна Кулачек выпустила серию фарфоровых тарелок на «Объединении Гжель», совместив традиционный орнамент с геометрией в духе русского авангарда, предста-

вляющей эстетику — жаль, что тираж ограничен. Впрочем, это главная проблема подобных изделий. Вряд ли они станут образцами для серийного производства. Штучный товар предназначен обеспеченным коллекционерам и любителям дизайнерской продукции. Все бы ничего — высокая мода тоже не рассчитана на массовый пошив — однако проблема в том, что в России круг ценителей слишком мал. Вот и утекают талантливые кадры за рубеж. Например, мебель Дениса Милованова, созданная из погибших вековых дубов, хорошо продается на Западе, где автор извещен куда больше, чем в родной стране.

Организаторы выставки планируют турне по России: после Москвы диковинные стеллажи и стулья отправятся в Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Новосибирск. В каждом городе в экспозицию обещают включать работы местных дизайнеров. И кто знает: возможно, светильники в виде пузырей или ковры с пиксельным узором однажды появятся в обычных домах. Ведь именно haute couture определяют, что

будет висеть в магазинах масс-маркета: пусть не в этом сезоне, но точно в следующем.

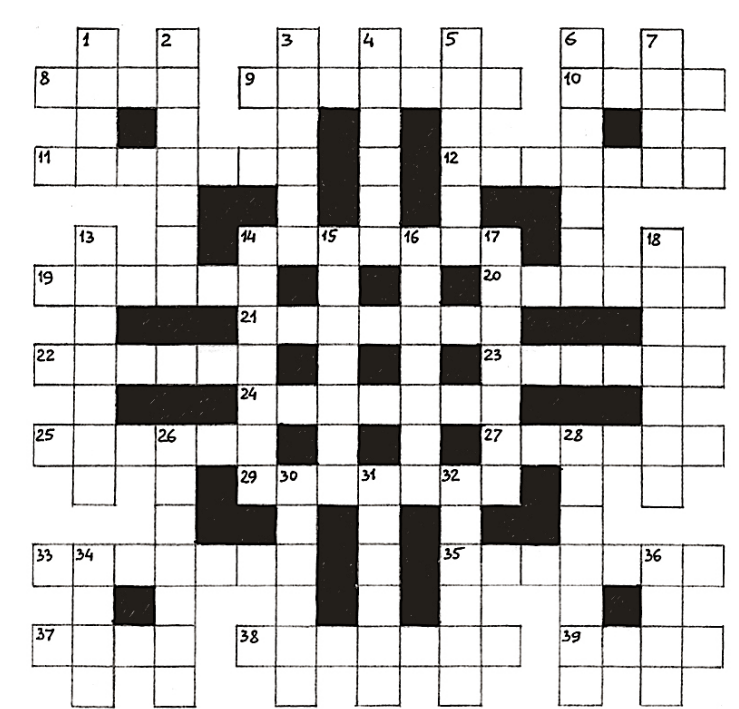

Есть что ВСПОМНИТЬ
60 ЛЕТ НАЗАД, 28 июля 1957 года, в Москве открылся VI Международный фестиваль молодежи и студентов, ставший без преувеличения одним из самых заметных событий своего времени. До сих пор дать ему однозначную политическую оценку сложно. С одной стороны, Хрущев, чувствуя себя не слишком уверенно, стремился похвалиться перед миром достижениями СССР. Отчасти ему это удалось: приехавшие в Москву иностранцы были удивлены высоким интеллектуальным уровнем молодой советской интеллигенции. Однако вместе с тем именно лето 57-го оказалось временем начала фарцовки как явления: спекуляция товарами велась и раньше, но в значительно более скромных масштабах.

Как бы то ни было, созидательный импульс, предшествовавший фестивалю, оказался весьма силен. В столице построили главный национальный стадион («Лужники») и несколько гостиниц, включая всем известную «Украину», принялись разбивать новые парки, аллеи, скверы. Не отставала и промышленность: с конвейера сошли автомобиль ГАЗ-21 и микроавтобус РАФ-10. А уже 31 июля, то есть в разгар молодежного форума, ЦК КПСС и Совет министров совместно издали постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», положившее начало эпохе хрущевки — маленьких, но чрезвычайно востребованных тогда квартир. Возводили не дома, а сразу кварталы и районы. Многие события культурной программы VI Международного также вошли в историю. Участники и гости форума могли увидеть Галину Уланову и Мариса Лиепу, услышать Эдиту Пьеху, ансамбль «Дружба», в кинотеатре «Ударник» три десятка государств представили 125 фильмов, а в парке Горького прошла выставка работ художников-авангардистов, в том числе и западных. Впервые прозвучали мгновенно ставшие популярными песни «Подмосковные вечера» и «Если бы парни всей Земли», фактически тогда появился на свет КВН: «Фестивальная редакция ЦТ» представила программу «Вечер веселых вопросов», вели которую композитор Никита Богословский и актриса Маргарита Лифанова.

Традиция форумов жива и по сей день. В этом году с 14 по 22 октября в Сочи пройдет XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Но это будет уже совсем другая история.

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 8. «Древнерусский» лоб. 9. Российский кинорежиссер и драматург («Волчок», «Страна ОЗ»). 10. Вид атмосферных осадков. 11. Рыбачий поселок в повести А. Грина «Алые паруса». 12. Американская актриса («Норма Джин и Мэрилин»). 14. Советский драматург (пьеса «Сталеваеры»). 19. Рассказ А. Куприна. 20. Советский фильм В. Жалаквичюса. 21. Ценная редкая вещь. 22. Турецкий поэт и прозаик. 23. Старинное артиллерийское орудие. 24. Гравюра А. Дюрера, про которую говорили: «Ни одно изображение животного не оказало такого глубокого влияния на искусство». 25. Роман А.Н. Толстого. 27. Русский книгопродавец и издатель, выпустивший полное собрание сочинений А. Пушкина. 29. Советский кинорежиссер («Неуловимые мстители»). 33. Тминная настойка. 35. Нежелательный исход дела. 37. Стихотворение В. Маяковского. 38. Священный для христиан город, в котором родился Иисус Христос. 39. «Месяц Юноны».

По вертикали: 1. Стоимость товара. 2. Российский режиссер театра и кино. 3. Основатель школы итальянской скульптуры. 4. Распорядитель застолья. 5. Французская актриса («Анжелика — маркиза ангелов»). 6. Предчувствие беды. 7. Предводитель аргонавтов. 13. Герой-комсомолец из романа Д. Нагишкина. 14. Российский актер («Родня», «Зеркало для героя»). 15. Теплое течение в Тихом океане. 16. Лабораторный сосуд. 17. Советский график и скульптор-анималист. 18. Музыкант, достигший высшего мастерства. 26. Персидская и узбекская киноактриса («Цыган», «Возвращение Буддуля»). 28. Герой «Тысячи и одной ночи». 30. Еловый лес. 31. Персонаж оперетты «Вольный ветер» И. Дунаевского. 32. Советская камерная певица. 34. Один из Курильских островов. 36. Крестьянская обувь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №26
По горизонтали: 7. Пейзаж. 10. Торрес. 11. Исакова. 12. Бролин. 13. «Некуда». 14. Снедь. 16. Гашек. 17. «Орфан». 21. Хозяин. 22. Глузский. 24. Козинцев. 25. Хирург. 27. Ямада. 30. Перец. 31. Кофта. 36. Узелок. 37. Придел. 38. Тавиани. 39. Пехота. 40. Цвирка.
По вертикали: 1. Шеврон. 2. «Взгляд». 3. Джинн. 4. «Штаны». 5. Крекер. 6. Гелдер. 8. Хавтан. 9. Коктейль. 15. Егорова. 18. Эпиграф. 19. Лиана. 20. «Узник». 23. Вележева. 26. Гетман. 28. Мазаев. 29. Диллон. 32. Обилие. 33. Треска. 34. Октав. 35. Шпидца.

В следующем номере:

Алексей Пиманов:
«Наш «Крым» — это современная история Ромео и Джульетты»

